

Кафедра Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

Северный Кавказ

Выпуск XVII

Москва 2012 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XVII, 2012. — 1.. стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ им М. В. Ломоносова.

Главный редактор:
Савин А. В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А. И., докт. эконом. наук
Добаев И. П., докт. философ. наук
Дугин А. Г., докт. полит. наук
Комлева Н. А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н. В., канд. философ. наук
Попов Э. А., докт. философ. наук
Черноус В. В., канд. философ. наук
Четверикова О. Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© — авторы.

Адрес редакции:

РФ, 117105, Москва, Варшавское ш. 1/1-2, бизнес-центр W-Plaza, офис А308.

Тел./Факс (495) 783 68 66

Geopolitika.ru@gmail.com

www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Таймураз Мамсуров</i> Осетия верна принципам единства России	4
<i>Александр Дугин</i> «Современные элиты Северного Кавказа (социально-политический обзор).	10
<i>Эдуард Попов</i> Русский вопрос на юге России в контексте административных реформ федеральных округов и использования потенциала казачества	22
<i>Андрей Гудимов</i> Казачи Верхней Кубани: в ожидании реабилитации	32
<i>Валерий Коровин</i> Кровная месть и коллективная ответственность как фактор социальной стабильности на Сев. Кавказе.	39
<i>Антон Аверьянов</i> Миграционные процессы на Северном Кавказе: межнациональный аспект	54
<i>Леонид Савин</i> Кавказский фактор в мировой геополитике (стратегическое значение, гуманитарные аспекты, потенциал культурно-социальных сетей).	61
<i>Колин Грей</i> Уровни анализа	77
<i>Темур Даими</i> Причастность общей судьбе.	77
Рецензии.	83
Сведения об авторах	94

Осетия верна принципам единства России

*Интервью с Главой Республики Северная Осетия-Алания
Таймуразом Мамсуровым*

— Таймураз Дзамбекович, сегодняшняя политика, как в РФ, так и во всем мире пребывает в состоянии турбулентности. В связи с этим, на Ваш взгляд, как будут развиваться политические процессы в Северной Осетии и на Кавказе?

— Мир находится в кризисе перехода к новому, иному проекту устройства политической и экономической жизни. Никто не может сказать, как долго будет длиться этот переход. Никто не берется начертить полную

схему будущего миропорядка. В этом сложном контексте я прежде всего не стал бы отделять северокавказские проблемы от общероссийских. Кавказ временами «болит» у России как раз потому, что является органической частью великого государства, неотъемлемой частью его истории и современной жизни. Сценарий политического развития на северо-кавказском направлении будет определен общей судьбой страны. Во имя какой модели развития мы работаем? Я бы предложил простую формулу: сильная процветающая Россия умело использует ресурсы нашего региона и твердо опирается на его народы, мыслящие себя частью российской гражданской нации. А что нужно тем, кто пытается раскачивать северо-кавказскую лодку? Тоже не секрет: им нужна слабая, раздираемая противоречиями страна, не способная ответить на региональные, в том числе кавказские, вызовы. Собираение, интеграция, государственная позиция набирают силу и, конечно, мы намерены победить.

— Довольно часто приходится слышать два мнения — что в стране нет идеологии и она необходима, и что время идеологий закончилось. Какой точки зрения больше придерживаются политики в Республике Северная Осетия и возможно ли избежать подобной дихотомии в региональной политике?

— В этом споре и раздвоении, которое свойственно современной отечественной мысли, мне недостает точности определений. Если речь об идеологиях вообще, то их время закончится вместе с биографией человечества. Общество неизбежно вырабатывает идеологию как «духовный фермент», как план-проспект, необходимый для эффективной жизнедеятельности, как объяснение мироустройства и своего места в нем. Если речь идет о политических доктринах и их непомерной жестокости, с лихвой испытанной человечеством в XX в., то можно понять опасение вновь оказаться заложниками одной-единственной теории или догматической точки зрения. В России сегодня представлены разные политико-идеологические предложения, есть выбор. Самое главное — не перепутать эти партийные (в широком смысле слова) предложения с интересами общества и государства в целом, с целями безопасности и устойчивого развития, с нуждами социальной защиты и гарантиями благосостояния населения. Иными словами, России нужна идеология как ясный взгляд на свое положение и перспективы развития. Такая идеология неотрывна от уровня культуры народа, от достижений общественной мысли и искусства. И России нужен постоянный, стабильный и сбалансированный политико-идеологический рынок партийных предложений, конкуренция конструктивных проектов, методик и технологий модернизации.

— Северный Кавказ потенциально является конфликтогенным регионом. Что необходимо предпринять, помимо стандартных мер безопасности для улучшения ситуации и предотвращения каких-либо кризисов в будущем?

— Ни для кого не секрет, что в своей значительной части кавказские конфликты имеют внешнее происхождение и хорошо финансируются. Но ведь это только подчеркивает умение кавказских народов уживаться друг с другом. Кавказ намного разнообразнее большинства более крупных регионов планеты. Сравните территорию Кавказа, например, с Западной Европой, а потом подсчитайте число и представьте многообразие этнических групп, языков, культур, конфессий. Многовековая совместная жизнь научила кавказцев мирно сосуществовать, несмотря на значительные различия. Вряд ли где-то в мире есть большой опыт содружества народов и культур, согласования сложнейших проблем совместной жизни. Наша естественная, традиционная мультикультурность — одна из основ совместной жизни и взаимопонимания. К сожалению, государство пока не научилось осваивать и эффективно использовать этот огромный опыт.

Я оптимист и не вижу глубокой почвы для серьезных межкультурных, межконфессиональных трений на Северном Кавказе. Наши культуры и религии слишком хорошо и давно знакомы друг с другом. А так называемый «религиозный экстремизм» опасен для общества не потому, что он вроде бы «религиозный», а только потому, что это экстремизм — то есть политическая идеология и технология.

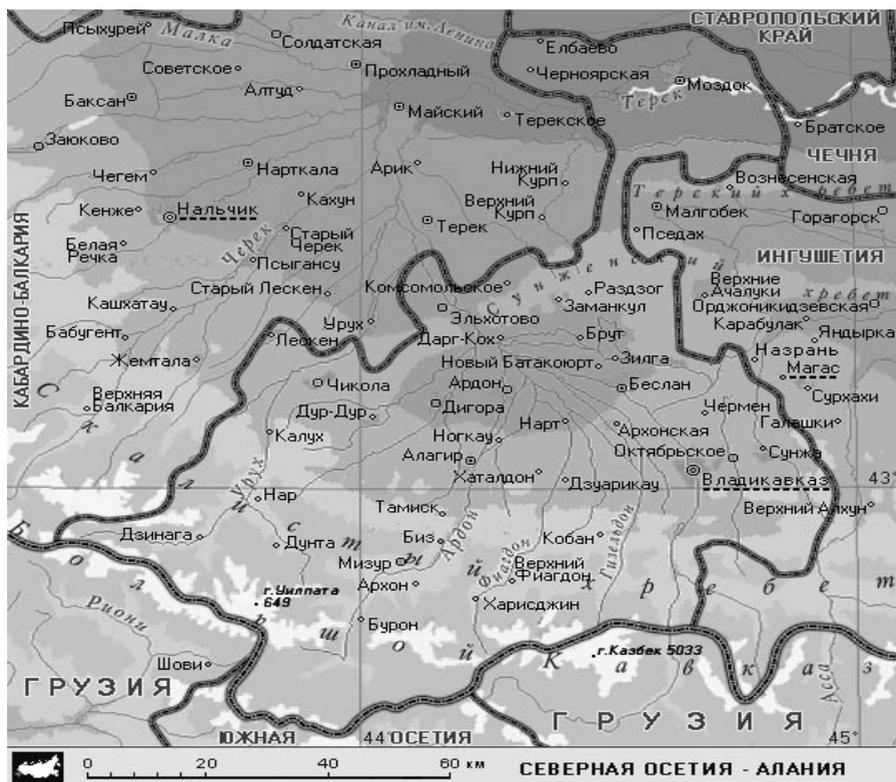
Словом, улучшение, предотвращение и даже процветание вполне возможны, если нам, наконец, удастся непротиворечиво связать государственные институты и экономические планы с реальной картиной социального и культурного многообразия. Построить будущее, не различая лиц, не зная судеб, не уважая больших и малых, совершенно невозможно. Все зависит от нас самих — от воли и вдумчивости федерального центра, от настойчивости и конструктивности кавказских территорий, от экономической прозрачности и политической публичности того, что все мы делаем от имени российского государства.

— Геополитика всегда требует глобального подхода. В связи с этим, Северный Кавказ является не только территорией РФ, но и зоной интересов и ответственности США и НАТО (как периферия Европы и элемент дуги нестабильности). Учитывая соседство с Грузией, которая позиционируется как партнер Вашингтона, Осетия неизбежно втягивается в Большую геополитическую игру. Насколько серьезно это воспринимается осетинскими политиками?

— Вы поверите, если я скажу, что мы в Осетии этого не видим, не принимаем всерьез? Думаю, не поверите. Два последних десятилетия независимо от наших желаний ясно показали, что геополитическое значение Осетии не соизмеримо с ее территориальными и демографическими масштабами. Это даже не зависит от того, чьими партнерами или союзниками становятся наши соседи на каждом из этапов истории, какие роли им отводятся в игре. Сменяют друг друга мировые империи, по-разному рассаживаются игроки, а геополитические закономерности продолжают действовать. Наш народ выжил на этом пятачке земли благодаря умению учитывать его геополитическое значение, и Осетии при любом раскладе приходится платить за свое существование очень высокую цену. Поэтому, если в Осетии есть политики, то главное их предназначение в том, чтобы защитить людей, обеспечить обществу максимальную безопасность — то есть конвертировать неизбежное втягивание в игру и «геополитическую расплату» в бескровные, мирные формы согласования интересов.

— В современных политических процессах все большую роль начинают играть диаспоры. Можно ли говорить об осетинской диаспоре как о полноценном акторе международной публичной дипломатии?

— Наверное, рано пока говорить о подобной роли осетинской диаспоры как о чем-то уже сложившемся и функционально эффективном. Тем не менее, у меня нет сомнений в том, что дело идет к этому. Осетины живут сегодня в большинстве регионов России, во многих странах мира. По понятным причинам наибольшей организованностью и активной общественной позицией выделяются московская

и петербургская осетинские общины, но их практически догнала уже самарская, на подходе и некоторые другие. В этих случаях многое зависит от социальной, кадровой структуры землячества. Из Осетии традиционно уезжали по распределению, на дальнейшую учебу и на работу люди хорошо подготовленные, имеющие профессиональное образование. Многие из них сделали карьеру, пустили корни в разных городах России и республиках бывшего Союза. Очень достойная и активная диаспора, например, на Украине. Полуторавековая история у осетинской диаспоры в Турции и Сирии — там созданы клубы, в которых молодое поколение может изучать осетинский язык, знакомиться с национальной культурой, устанавливать связи со сверстниками на исторической родине. С интересными культурными инициативами выступают наши французские и бельгийские земляки. Предметом особой гордости для нас является общий положительный образ осетинской диаспоры — приятно, когда иностранные гости и российские друзья рассказывают о трудовых, коммерческих, научных успехах твоих земляков.

Это тоже давняя традиция — ведь еще в первые века новой эры и потом в средневековый период аланы связывали своей хозяйственной, военно-политической, культурной активностью огромные евразийские пространства. А так на-

зываемый «скифский мир» как единое цивилизационное пространство можно, по-моему, считать древнейшим историческим фундаментом будущих российских масштабов и российской открытости к Востоку и Западу.

— Вы неоднократно говорили о необходимости объединения двух Осетий. Какие конкретно шаги могут быть предприняты в этом направлении в ближайшее время и в более отдаленной перспективе?

— Осетия все-таки одна, но есть две осетинские Республики — Северная Осетия-Алания как субъект Российской Федерации, Южная Осетия как признанное Россией независимое государство. Мне представляется, что в существующей сегодня системе международно-правовых отношений это и есть естественная форма осетинского единства. Мы ведь боролись против попыток разделить наш народ и победили, не позволив вывести южную часть Осетии из российского политического и культурного пространства, из органического единства народной жизни. Вы, конечно, помните, как много говорилось о российском гражданстве жителей Южной Осетии. Давайте поговорим теперь о юго-осетинском гражданстве жителей Северной Осетии, почему-то (впрочем, понятно почему) не интересовавшем тогда прессу. Но ведь это равноправные проявления совершенно естественного для Осетии единства. И в этом смысле формула «объединение двух Осетий», непроизвольно отсылающая к примерам действительно разделенных народов, страдает неточностью. Если же говорить о формальной стороне дела, то хотелось бы и в ближайшей, и в отдаленной перспективе сохранить давно сложившееся совпадение государственных интересов России и жизненных интересов осетинского народа.

— Если принять во внимание идею Евразийского Союза, какой вклад может принести осетинский народ в реализацию этого проекта? Насколько ощущается в Северной Осетии необходимость новых интеграционных процессов?

— В самой постановке вопроса чувствуется разграничение прежней и новой интеграции, хорошо понятное всем, кто пережил эпоху постсоветской дезинтеграции. Однако в осетинском случае не было разрушительного перерыва, не было стремления к разрыву связей и сотрудничества. Вся новейшая история Осетии может, по-моему, служить иллюстрацией противоположной позиции — Осетия настойчиво продолжает традиции многонациональности, гражданского мира и вполне успешной мультикультурности. И вынесшая беспрецедентные террористические удары Северная Осетия, и прошедшая через ужасы войны и геноцида Южная Осетия в самые тяжелые годы оставались верны принципам

единства великой страны. Думаю, что именно с позиций новой интеграции следует оценивать и признание Россией независимости Республики Южная Осетия.

— Вы задали вопрос, и я поймал себя на мысли о том, что у нас в Осетии никогда не было даже дискуссии по этому поводу — настолько интеграционная модель культурного и политического поведения считается естественной, само собой разумеющейся. Не сочтите за нескромность, — мы так живем и очень далеки от того, чтобы считать это своей заслугой. Тем более, что точно так же жили и наши предки: достаточно вспомнить осетинскую позицию начала XX в. — однозначно интеграционную и совершенно одинаковую у красных и белых, у горожан и сельчан, у осетинского и казачьего населения. Наверное, этому можно и нужно искать исторические, социокультурные объяснения, для нас сегодня важнее всего надежда, что период блужданий и сепаратизма завершается и Россия вполне способна задать новые — в том числе евразийские, международные — масштабы интеграции, выстроить новую систему отношений между народами, культурами, государствами.

— Благодарим Вас за интервью. Хотите что-нибудь добавить для наших читателей?

— Только пожелания добра и мира!

Интервьюировал Леонид Савин

Современные элиты Северного Кавказа (социально-политический обзор)

Александр Дугин

Социологическая структура обществ северо-кавказского археомодерна (предыстория)

Для того, чтобы описать состояние современных элит республик Северного Кавказа, необходимо дать краткий обзор этносоциологии как советского общества, так и процессы, произошедшие в постсоветскую эпоху¹.

Особенность советского периода русской истории, с этносоциологической точки зрения, состоит в том, что советское общество осознавало себя как общество посткапиталистического модерна, но на самом деле представляло собой систему ускоренной некапиталистической модернизации общества традиционного, еще не прошедшего полноценно фазу капитализма². С этим связан фундаментальный зазор между концептуализацией общества в официальной дискурсе советской политической элиты и реальным положением дел. В более широком смысле, я определяю это явление как «археомодерн»³, когда за модернистским фасадом скрываются архаические структуры (О. Шпенглер называл это явление «псевдоморфозом»⁴). Принцип «археомодерна» в полной мере характеризует все советское общество, а шире применим и к длительному периоду — от Петровских реформ до настоящего времени. С XVII века по XXI век процессы модернизации России разворачивались на фоне сохранения неизменными определенных структур традиционного общества, что до определенной степени справедливо и для описания постсоветского периода⁵. Собственно, советский период специфической чертой имел наложение марксистской догматики на социальные и этносоциальные структуры, категорически не соответствующие нормативным концепциям ортодоксального марксизма. Зазор между «нормой» и «реальностью» в СССР преодолевался с помощью тоталитарных методов, где осевой стала практика систематического насилия — и насилия правящего дискурса над социальными структурами и прямого насилия политической власти над населением.

Археомодерн в республиках Северного Кавказа в советский период имел ряд существенных отличий от археомодерна, сложившегося в русских областях. Сла-

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011; Он же. Социология русского общества. М.: Академический Проект, 2011.

² Дугин А. Г. Этносоциология. Указ. соч.

³ Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Евразийское Движение, 2010.

⁴ Шпенглер О. Очерки морфологии мировой истории. М.: «Мысль», 1998.

⁵ Дугин А. Г. Археомодерн. Указ. соч.

ванские массы лучше поддавались модернизации и урбанизации, и их архаизм проявлял себя более опосредованно — через перетолковывание горизонтов построения коммунистического общества в обобщенном эсхатологическом славянско-общинном и сектантском, одновременно, ключе. В Республиках Северного Кавказа местное население было архаическим и традиционным в самом прямом и непосредственном смысле этого слова, и искусственный характер советской модернизации опирался на промежуточный пласт новой волны «советской русификации», где великороссийский элемент, и сам будучи модернизированным весьма поверхностно, служил, тем не менее, инструментом модернизации и «советизации» локальных обществ. Сами жители Северного Кавказа могли воспринимать эту «советскую волну» как продолжение процессов интеграции и ассимиляции, начатых еще в имперский период.

Чтобы бы лучше понять социологическую особенность современных элит обществ Северного Кавказа можно рассмотреть две параллельные схемы исторического процесса.

Вот так представлял себе картину социальной истории советский марксизм: архаическое общество — традиционное («феодалное») общество — буржуазное общество (национализм) — социалистическое общество (интернационализм).

Построение социалистического общества рассматривалась как фаза, следующая за капитализмом и, соответственно, периодом буржуазного национализма. Такой взгляд исходил из убежденности в том, что эпоха буржуазного национализма (для Северного Кавказа) в прошлом, а в настоящем идет строительство социалистического интернационального общества. Такой схемой и руководствовалась на уровне официального дискурса партийная верхушка СССР при строительстве кавказской политики.

Проблема здесь заключалась в том, что период установления на пространстве Северного Кавказа буржуазных национальных обществ в силу его отсутствия рассматривался как нечто эфемерное и разветвляющееся в узких рамках между февралем и октябрем 1917 года с добавлением периода гражданской войны установления большевистской власти на Северном Кавказе. То есть уже в 20-годы XX века «буржуазный национализм» и соответствующие ему этносоциологические явления помещались в «прошлом».

На самом деле, это было очевидной натяжкой, причем на Северном Кавказе ее очевидность была еще больше, чем на собственно русских территориях. На практике мы имели следующую схему:

— социалистическое общество (интернационализм) (верхний пласт, навязанный советской властью в общегосударственном масштабе, компартия, бюрократический аппарат, индустриализация — здесь ключевую роль играло русское население);

— буржуазное общество (национализм) (чисто номинальное явление, сохранившееся в определении «территориально-национальных образований», но уже в снятом, социалистическом и интернационалистском контексте);

— традиционное («феодалное») общество (представленное отчасти сохранившимися структурами местной знати, вписавшейся в партийный управленческий аппарат, отчасти духовными авторитетами и суфийскими братствами);

— архаическое общество (жизненный уклад, обычаи и обряды, уходящие в глубокую древность — адат, кровно-родственные отношения, скотоводство, земледелия и ремесленничество).

Но здесь мы имеем дело с синхроническими одновременно существующими пластами. Сопоставление двух схем — номинальной и реальной — помогает понять многие несоответствия и экивоки советской национальной политики на Северном Кавказе.

Если на уровне официального дискурса в духе марксистского историцизма каждая последующая формация «снимается» последующей и, соответственно, считается «более не существующей», то на практике политическому руководству СССР приходилось иметь дело с такой социальной и этносоциальной структурой, где эмпирически существовало то, чего теоретически существовать не должно. Поэтому одноуровневый официальный анализ, выдержанный в духе социалистической риторики, классового подхода и интернационализма, накладывался на многоуровневую специфику реальных северо-кавказских обществ. Ключевую роль играл эфемерный и призрачный статус «национального» начала¹.

Национальное государственное образование предполагает капитализм, индивидуальное гражданство, индустриализацию и урбанизацию. Поэтому-то республики и округа Северного Кавказа и были названы «национальными». Но эта презумпция марксистского взгляда на общественную историю противоречила фактам. Поэтому онтология «национальности» в условиях СССР была расплывчатой и нестройной. По умолчанию предполагалось, что этот уровень позади, но в то же время, советская модернизация выступала параллельно с этим как инструмент искусственного подтягивания северо-кавказских обществ до общесоветского уровня, то завершала те процессы «национального развития», которые не смог завершить капитализм (так как его просто не было). Так докапиталистическое общество оказалось в контексте посткапиталистического, что закономерно породило конфликт интерпретаций.

В соответствии с двумя схемами мы имели в СССР на уровне официального дискурса — северо-кавказские общества, вступившие в фазу социалистического развития на основах интернационализма, с такой же интернациональной элитой, как и в других областях СССР, но с учетом необходимости завершить нацио-

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. Указ. соч.

нальное развитие, не законченное в условиях капитализма (чему препятствовала Империя), а на эмпирическом уровне сосуществовали одновременно несколько этносоциологических пластов — сверху дуумвират из представителей местного народа пролетарского происхождения (символ вклада большевизма в завершение национального развития) и из носителей общесоветского начала (часто русского или иных этносов, более вовлеченных в советскую модернизацию), сюда же были вкраплены представители местной знати и суфийских орденов, принявших Советскую Власть, ниже располагался слой агентов модернизации и индустриализации, преимущественно из славян, а еще ниже основное население, сохранявшее в значительной степени архаический уклад. Для того, чтобы не допустить превращения таких национальных образований в зачаток государственных структур советское руководство прибегало к следующим мерам:

— создавало административно-территориальные образования из двух или нескольких слабо комплиментарных или просто отличающихся друг от друга этнических групп (Карачаево-Черкессия — с тюрками-карачаевцами и черкесами, Кабардино-Балкария, с тюрками-балкарцами и кабардинцами-адыгами), Чечено-Ингушетия на основе двух различных вайнахских этносов, полиэтничный Дагестан, индоевропейцы Южной Осетии и адыги Абхазии составе преимущественно картвельской Грузии и т.д.);

— привлекало на эти территории целый пласт городских жителей из традиционно-русских областей;

— поддерживало баланс власти между представителями вертикальной структуры КПСС общегосударственного уровня и местной бюрократии с тонким манипулированием традиционными властными и религиозными кланами.

Так за годы советской власти на Северном Кавказе сложились совершенно специфические общества с особой и уникальной моделью социальной стратификации, где элиты совмещали в себе и насильственное воплощение в жизнь нормативов марксистской ортодоксии (интернационализм, модернизация, индустриализация) и мощную инерцию выживания глубинных пластов традиционного общества — с их религиозными, суфийскими, клановыми, обрядовыми, кровнородственными и архаическими отношениями, социальными и экономическими практиками. В отличие от Союзных Республик национально-территориальные образования Северного-Кавказа считались менее самостоятельными и более зависимыми от России (как РСФСР). Хотя исторически для Российской Империи установление контроля над Северным Кавказом представляло собой гораздо более проблематичный этап, нежели присоединение территорий Южного Кавказа. Этноты именно Северного Кавказа, в силу своей архаичности, оказывали Империи более отчаянно и долговременное сопротивление.

В целом Северный Кавказ в период СССР представлял собой особую этносоциологическую реальность¹, которую можно определить как северо-кавказский археомодерн. Этот тип археомодерна отличался и от общесоветского археомодерна, и от археомодерна Союзных Республик, и от специфики этносоциологического устройства других, некавказских национально-территориальных образований.

Исключительными чертами именно северо-кавказского археомодерна были:

- высокая насыщенность различными этническими группами,
- низкий уровень индустриализации и сохранение сельско-хозяйственной ориентации, а также традиционных ремесел;
- низкий уровень урбанизации;
- распространение ислама преимущественно суфийского толка (за исключением осетин, в большинстве своем православных);
- устойчивость кровно-родственных связей (типа чеченских тейпов);
- сохранение значения положений адата (горского права, основанного на исламских законах с добавлением многих этнических элементов);
- высокие показатели демографии.

Но эти эмпирические особенности обществ Северного Кавказа и их элит де факто не признавались, и составляли фигуру умолчания в структуре официального советского дискурса. Одно из свойств археомодерна в целом — не признавать наличие своего «архаического» уровня.

Социологическая структура северокавказских обществ в постсоветский период

Конец СССР означал качественное изменение в статусе национально-территориальных образований Северного Кавказа и, соответственно, в качественной структуре соответствующих обществ. В целом с этносоциологической точки зрения, это можно описать как конец советской версии археомодерна, что означало полный отказ от марксистского коммунистического дискурса, а вместе с ним и с претензиями на социализм и интернационализм. Параллельно рухнул СССР, и на месте Советских Республик появились соответствующие независимые национальные государства с капиталистическим укладом. Советский период модно было рассматривать как этап насильственной и мобилизационной модернизации, только лишь ведущий к капитализму и национальным государствам (национализму), а не следующий за ней (вопреки советской официальной доктрине). Буржуазный национализм стал основной идеологией всех постсоветских республик СССР за одним единственным исключением — за исключением Российской Федерации. Российская Федерация сохранила полиэтнический уклад имперского

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. Указ. соч.

толка, но попыталась представить его как постнациональное гражданское общество либерального типа. Так появилось новое издание археомодерна — современное российское («демократическое»). Структура этого нового археомодерна представляла собой новое противоречие: недонациональное индустриальное общество с большим количеством традиционных, а местами даже архаических черт, объединенное по имперскому принципу вертикалью авторитарной власти, выдавалось за постнациональное постиндустриальное общество, копирующее нормативы современные постмодернистские западно-европейские и американские образцы ультралиберального социального уклада. Снова официальный дискурс был одним, а эмпирическая реальность совершенно иной. Это новое противоречие стало решающим для судьбы северо-кавказских обществ и, соответственно, структуры их элит.

На сей раз российские либералы, захватившие власть в 1991 году вместе с группой поддержки Бориса Ельцина, рассматривали «национализм» как «прошлое», но отождествив его с «сталинизмом» и «советским патриотизмом». Таким образом, заведомо демонизировалась сама русская национальная идея. Тактическим аргументом служило указание на полиэтничный характер российской государственности, что по мнению либералов, не позволяло обратиться к русской идее под угрозой распада России как государства. Вместо этого ставка была сделана на либеральный индивидуализм, идеологию прав человека и гражданское общество. В странах Запада переход от национальных обществ к либеральным гражданским режимам произошел в ходе постепенной эволюции в последние десятилетия XX века после многовековой истории кровавых национальных войн, конфликтов и таких эксцессивных форм как германский нацизм. Либеральные реформаторы в РФ провозгласили, что такое гражданское общество в России уже по сути построено в 1991 году и осталось его только усовершенствовать. Археомодерн в остальных странах СНГ стал постепенно упраздняться через признание того, что в экономике разворачивались капиталистические реформы, а политика стала строиться в национальном ключе. В России же археомодерн только усугубился на новом уровне: конфликт интерпретаций теперь заключался в постнациональной ориентации ультралиберальных элит на идеологию прав человека и фактическим преднациональным состоянием социальных структур и сохранением и даже укреплением многочисленных элементов традиционного общества (повышение фактора религии — Православия и ислама)¹. Снова адекватное самосознание было блокировано. Элиты опять помещали «национализм», который только становился на повестку дня, в «прошлое», искусственно и активно демонизируя его — отсюда появился уничижительный термин «красно-коричневые».

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. Указ. соч.

На структуре северо-кавказских обществ это сказалось самым непосредственным образом. Во-первых, их статус приблизился к тому, которым обладали в СССР Союзные Республики. Если СССР на деле и вопреки официальным заявлениям коммунистов помог Союзным Республикам пройти несколько этапов модернизации и создал предпосылки для возникновения национальных государств капиталистического типа с буржуазно-националистической идеологией, то в самом начале 90-х годов элиты Северного Кавказа попробовали пройти тот же путь в сокращенном режиме времени и попытались провозгласить свой национальный суверенитет — ведь участие в СССР для национальных республик оказалось лишь подготовкой к созданию независимой государственности.

Дальше всех в этом направлении продвинулась Чечня, которая вначале разделилась с Ингушетией, положив конец существованию Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики, а затем заявила о суверенитете и выходе из состава России.

Остальные северо-кавказские субъекты РФ пристально смотрели за судьбой Чечни и реакцией федерального центра.

На примере Чечни легко проследить логику трансформации северокавказских обществ в постсоветский период. Причем именно Чечня и ее элиты прошли в этом направлении самый большой путь.

Во-первых, была сметена «интернационалистская» государственная элита, опиравшаяся на русских или государственно ориентированных чеченцев или этнических меньшинств (таких как ногайцы). Параллельно, планомерным этническим чисткам и подчас открытому геноциду подверглось русское население. Вместе с тем выкорчевывалось присутствие российских (экс-советских) спецслужб и силовых министерств и ведомств.

Это привело к ликвидации структур, обеспечивавших контроль над Чечней со стороны центра и, соответственно, инерцию «советской модернизации» (северокавказского археомодерна советского образца).

Вместо этого на первый план выступили представители национализма и национал-капитализма (преимущественно криминальной ориентации), а также представители влиятельных тейпов и тукумов (племен)¹. Резко возросла роль ислама, шариатских судов, а также суфийских вирдов. Параллельно произошло возрождение кровно-родственных отношений и адатного права. Чеченское общество 90-х годов представляло собой синхроническое наложение нескольких уровней:

- национально-буржуазный фасад (Дудаев, Масхадов, Зкаев);
- кланово-родовая система (идеолог Нухаев);
- исламско-шариатская и суфийская тарикатистская система (Басаев, Хатаб, Кадыров, Удугов);

¹ Нухаев Х.А. Ведено или Вашингтон? М.: Арктогея, 2003.

— традиционное общество основной массы населения.

По сути Чечня попыталась пройти до конца тот путь, который прошли Советские Республики вплоть до отделения и провозглашения самостоятельных националистических буржуазных государств.

Мнение в либерал-реформаторской Москве относительно Чечни разделились. Одни политики встали на сторону Чечни и Дудаев, полагая, что независимость этой Республики стоит в общем ряду демократических процессов на постсоветском пространстве, а противодействие этому есть не что иное как проявление «российского национализма», как недопустимой для гражданского общества «реакционной» идеологии. Другие считали, что сохранение территориального единства РФ является необходимым условием для модернизации и демократизации всех ее территорий, тем более, что природа чеченского национализма явно указывала на его архаический и совсем нелиберальный и недемократический характер. Тем более, что постепенно в Чечен стал резко возрастать фактор импортированного исламского фундаментализма, ранее абсолютно неизвестного на Северном Кавказе. Как мы знаем, возобладала вторая точка зрения, вылившаяся на практике в кровопролитную и непоследовательную Первую Чеченскую кампанию.

В любом случае сопротивление Москвы остановило другие северо-кавказские субъекты Федерации на пути сепаратизма, и заставило их элиты искать иных путей взаимодействия с федеральным центром.

Несмотря на то, что путь радикального сепаратизма был отвергнут, в целом эволюция северо-кавказских обществ повторяла ситуацию в Чечне¹.

Точно также была вытеснена централистский модуль власти в лице высокопоставленных русских чиновников с параллельными выдавливанием русского населения (не столь brutальными методами как в Чечне, но со сходным результатом). Это косвенно вело к деиндустриализации и архаизации региональной экономики. Параллельно этому шла резкая этнизация власти и возрождение клановых и кровно-родственных моделей социального управления. Также как и в Чечне наблюдался постоянный рост исламского фактора и подъем суфийских орденов. Основная масса населения продолжала оставаться в рамках аграрного сектора, а избыток быстро растущего населения либо уходил в бандформирования («лес»), либо в криминальные структуры, либо мигрировал в другие российские города и территории. По сути везде на Северном Кавказе происходили процессы, логически ведущие к созданию национальных буржуазных государств с традиционалистской и даже архаической социальной структурой.

Элиты национальных образований Северного Кавказа в этот период стали по-новому выстраивать взаимоотношения с федеральным центром. Вместо КПСС

¹ Коровин В.М. Накануне империи... М.: Евразийское Движение, 2008.

и иных структур советского бюрократического централизма сложилась более сложная модель взаимодействия элитами федерального уровня. Можно выделить три плана:

— военный фактор (после событий в Чечне вся территория Северного Кавказа стала восприниматься Москвой как «горячая точка», что привело к росту влиянию федеральных силовиков во всех субъектах федерации с высоким уровнем их подчас чрезвычайных полномочий);

— экономический фактор (местные элиты получили от Москвы возможность перераспределения бюджетов в обмен на лояльность, что создало новую систему контроля над локальными процессами и способствовало новой конфигурации конкретных клановых и этнических элит);

— криминальный фактор (коррупционные схемы и криминальные сети северо-кавказских республик простираются вплоть до высших уровней федеральной власти, часто через посредство этнических диаспор, базирующихся в столицах и крупных центрах РФ, что дает возможность обратной связи и влияния на некоторые важные решения центра).

Идеологической платформой, которая служила бы фасадом для новой постсоветской версии северо-кавказского археомодерна, стала отныне гражданское общество и номинальная либерал-демократия.

При этом следует отметить еще несколько тенденций и соответствующих влияний, существенно влияющих на северо-кавказские элиты, но на сей раз в направлении, противоположном центростремительным тенденциям.

Рост национализма в элитах и массах республик Северного Кавказа. Это проявляется и в том, что все больше подчеркивается значение национального образования, и в том, что возникают искусственные концепции пересмотра структуры этих образований по принципу этнической однородности (разделение Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии), и в том, что появляются проекты национальных объединений на расовой основе (например, проект «Великой Черкессии»), и в том, что усиливаются территориальные претензии к другим субъектам Федерации (например, вопрос о Осетино-Ингушеской границе). Все это показывает, что постоянно возрастает сознание национальной целостности этих субъектов Федерации и усиливаются сепаратистские тенденции.

Рост исламского фундаментализма. Эта тенденция, также как и в Чечне, является продуктом импорта из других исламских стран и служит идеологической основой для исламских кругов разных этносов, создавая своего рода сеть исламского интернационала антироссийской направленности с упором на религиозный фактор.

Рост правозащитной активности с этническим и антироссийским оттенком, рассматривающей претензии федерального центра на «демократию» и «гражданское общество» всего лишь прикрытием нового российского национализма

или империализма. В данном случае федеральному центру противопоставляется идеология прав человека и реальная демократия, якобы постоянно нарушаемые Москвой и централистскими структурами, в первую очередь, силовиками и местными коррупционерами).

Три обозначенных выше тенденции служат платформы для формирования структур контрэлиты, объединяющей тех активных граждан Северного Кавказа, которые не находят места в структурах существующей власти. Эта центробежная контрэлита имеет поддержку из-за рубежа и становится постепенно тем более сильной, чем больше слабеют сети центростремительного толка.

Националистическая, исламистская и правозащитная контрэлиты в равной мере ориентированы на слом ныне существующей системы археомодерна и ведут дело к сепаратизму и созданию новой независимой государственности.

Эта картина сложилась в 90-е годы и в общих чертах существует вплоть до настоящего времени, но с некоторыми поправками, о которых мы скажем ниже.

Фактор Путина

Приход к власти В.Путина в 1999 году, начало Второй Чеченской компании, победа в ней Москвы и успех операции Кадыров несколько изменили баланс сил на Северном Кавказе, но не породили принципиально новой системы элит¹. Путин победой над Масхадовым продемонстрировал тупик лобового сепаратизма как решения национальной проблемы Северного Кавказа. При этом он по умолчанию мобилизовал в мягкой и приглушенной форме «российский национализм», ставший с момента его первого Президентства «второй идеологией» наряду с либеральной демократией, гражданским обществом и правами человека. К идеологическим ориентирам 90-х Путин добавил ценность суверенитета и национальной целостности России. Это стало решающим моментом в кавказской политике 2000-х годов, положив конец прямолинейным сепаратистским попыткам. Это нашло свое проявление в феномене Ахмада Кадырова и его сына Рамзана Кадырова. В противостоянии чеченским сепаратистам путин сделал ставку не на жестко пророссийских политиков, продемонстрировавших свою беспомощность в условиях радикального противостояния, но на умеренный национализм и традиционный ислам в рядах оппозиции. Тем самым Москве удалось расколоть лидеров сепаратистов. В лице Кадырова старшего (позже младшего) Путин включил в систему управления субъектом Федерации местную националистическую элиту, опирающуюся на традиционный северо-кавказский суфийский ислам, оказав ей силовую и экономическую поддержку. Это дало позитивный эффект, позволило завершить конфликт в Чечне и превратить эту республику в образец «нового Кавказа». Причем идеологически Чечня Кадырова мыслится скорее как образ-

¹ Дугин А. Геополитика России. М.: Академический проект, 2012.

Административная карта Северо-Кавказского Федерального Округа

цовый военизированный контингент на службе «бравой российской империи»¹, нежели демократическая часть общероссийского гражданского общества. Верность, преданность и дисциплина, а также патриотизм и даже своего рода общероссийский сверхэтнический «национализм» евразийского толка, толерантный к этнической самобытности малых групп, стали основой чеченской модели Северного Кавказа.

Пример современной Чечни является образцом путинской модели реструктурирования Северного Кавказа и его элит. Кадыровский режим представляет собой национальную, и отчасти даже националистическую чеченскую элиту, с большой степенью автономии на своей территории, укрепленную силовым, политическим и экономическим потенциалом федерального центра, с возрождением клановых и кровно-родственных отношений, религиозными институтами и обычаями (шариатом, адатом), но полностью лояльную на «феодалном уровне»

¹ Коровин В.М. Накануне империи... М.: Евразийское Движение, 2008.

московскому правителю. Тем самым Путин приблизился здесь к евразийской модели, предлагающей сочетать централизм большого пространства с этническим разнообразием и широкой федералистской автономией регионов на базе субдиарности. Эта модель имеет, однако, мало общего с либеральной демократией и гражданским обществом, так как основана на совершенно иных принципах и ценностях, относящихся скорее к обществу традиционному, нежели современному и постсовременному.

Кадыровская модель, продемонстрировавшая свою успешность и эффективность в самой горячей точке Северного Кавказа, Чечне, не смогла быть автоматически перенесена на другие субъекты Федерации (например, Ингушетия в эпоху президентства Зязикова). Это можно объяснить различиями в поворотах новейшей истории, отсутствием долгих кровопролитных столкновений или этнической структурой соответствующих республик. Возможно, объяснения следует искать в конкретной конфигурации местных элит и соотношении в них центростремительных и центробежных факторов, а также эффективности соответствующих им сетей. Эмпирически следует констатировать, что на данный момент кроме Чечни кадыровская модель на Северном Кавказе не работает, а продолжает существовать система, сложившаяся в 90-е годы и основанная на ельцинской версии постсоветского северокавказского археомодерна.

Чечня и ее элиты являются сегодня изолированным случаем. А в других субъектах Федерации имеет место противоборство элит, встроенных в централистскую систему, и контрэлит, опирающихся на внешние центры поддержки. Национализм как попытка придания этническому фактору политического содержания является основной ставкой, вокруг которой разворачивается противостояние различных сил и идеологий.

Со стороны Москвы в ход пущены экономический и силовой фактор под идеологическим знаменем либеральной демократии и гражданского общества (евразийство почти не используется). На стороне сепаратизма находятся контрэлиты, действующие под знаменем исламизма, национал-сепаратизма или защиты прав человека. Это противостояние является открытым и вероятно будет главным уравнением третьего срока президента Путина.

Русский вопрос на юге России в контексте административных реформ федеральных округов и использования потенциала казачества

Эдуард Попов

Проблема роста насилия в Северокавказском регионе, проявляемого в форме террористических акций, этнорелигиозного экстремизма давно стала предметом изучения различных институтов федеральной власти. Стало общим местом обозначать, что данную проблему нельзя решить без решения социально-экономических проблем региона. При этом забывается или замалчивается то очевидное обстоятельство, что социально-экономическая сфера «русских» регионов, краев или областей, подчас находится не в лучшем состоянии. При этом мы пока еще не столкнулись с феноменом «русского» терроризма, вызванного бедностью или социальной несправедливостью. Значительно реже поднимается и другая проблема — самочувствие русского (в том числе, казачьего) населения вновь образованного Северо-Кавказского федерального округа. Едва ли не первой декларацией подобного рода стало выступление президента Д.А. Медведева перед представителями неправительственных организаций Северного Кавказа 19 мая 2010 года. Было заявлено, что продолжающийся отток русского населения угрожает стабильности всего региона. Как полагают многие эксперты, уход русских с Северного Кавказа нарушит и без того хрупкий межнациональный мир между «титულными» этносами.

Трагические события в Крымском районе Краснодарского края на время приостановили дискуссию по проблеме реформирования федеральных округов. Эта дискуссия практически сразу вышла за рамки экспертного обсуждения и стала превращаться в предмет для острых общественно-политических споров и прекрасный повод для пиара некоторых политических сил. 20 июня сего года в Краснодаре и Ставрополе была проведена акция, направленная против включения/оставления Кубани и Ставрополя в составе Северо-Кавказского федерального округа. Акция эта проводилась недавно образованной нацдемовской партией «Новая сила» Валерия Соловья. Стремление «московских националистов» сыграть на этой болезненной струне заставляет серьезно задуматься о последствиях управленческого решения, возможно, подготавливаемого в недрах государственного аппарата и намеренно вбрасываемого в информационное пространство.

Напомним, в средствах массовой информации прошло сообщение о том, что в конце мая Волгоградская, Астраханская области и Калмыкия могут быть включены в состав Приволжского федерального округа, а Ростовская область, Крас-

Кавказский регион в составе Российской Империи (начало XX века).

нодарский край и Адыгея — в состав Северо-Кавказского федерального округа. При этом столица Северо-Кавказского округа будет перенесена из Пятигорска в Ростов-на-Дону. Таким образом, Южный федеральный округ (ЮФО) может быть расформирован после инаугурации избранного президента. Сейчас в ЮФО (центр — г.Ростов-на-Дону) входят Волгоградская, Ростовская и Астраханская области, Краснодарский край, республики Адыгея и Калмыкия. Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) включает 6 национальных республик и один «русский» регион — Ставропольский край.

Прежде чем рассмотреть вопрос новой перекройки округов, напомним вкратце историю института полпредов президента в федеральных округах.

Уже на заре современной российской государственности обозначилась ее отличительная черта — слабый центр и сильные регионы. Ельцинский лозунг: «Берите суверенитета столько, сколько сможете унести» был простой констатацией факта (плюс отдельные провокативные деяния наподобие намеренного сброса кремлевской верхушкой Северного Кавказа). В известной мере децентрализация Российской Федерации оказалась благом для страны: повышение управляемости из Москвы резко усилило бы разрушительные последствия правления пьяной ельцинской камарильи. А так они хотя бы отчасти минимизировались в регионах. Точнее, в тех из них, которым более или менее повезло с местными элитами. На юге России крупно повезло Краснодарскому краю, возглавляемому опытным и ответственным хозяйственником Николаем Кондратенко. Столь же крупно не повезло Ростовской области, коей 18 с лишним лет правил бывший партайгеноссе Владимир Чуб, сумевший полностью разрушить сельское хозяйство и промышленность некогда цветущего региона, превративший Дон в пристанище для тысяч мигрантов, резко обостривших криминогенную ситуацию. Степень независимости национальных республик Северного Кавказа была еще выше. Фактически они находились вне правовых рамок федерации; в их конституциях, как правило, был прописан принцип примата республиканского законодательства над федеральным. Буква закона лишь скрепляла политическое статус-кво: бессилие и неспособность ельцинской верхушки контролировать процессы во всей стране. Процесс «возвращения государства» в начале 2000-х годов не мог не затронуть ключевую проблему взаимоотношений центра и регионов. В мае 2000 г. было объявлено о создании института полпредов президента в федеральных округах. Идея не совсем новая: институт полпредов президента в субъектах федерации существовал и ранее, правда, без особой результативности. Полпреды выполняли роль «смотрящих» Ельцина над строптивыми губернаторами, не обладая особыми полномочиями. Не сейчас появилась и идея федеральных округов, которая выпестовывалась примерно с середины 90-х годов. Тем не менее, решающий шаг был сделан в мае 2000-го. На «великолепную семерку» возлагалась главная задача: привести региональное законодательство в соответствие с федеральным. Если быть более точным — восстановить главенство общегосударственного законодательства над региональным, прежде всего, республиканским. В конституциях национальных республик содержались недвусмысленные заявления о суверенитете над территорией и недрами. Субъектом суверенитета объявлялись народы соответствующих республик (подобные заявления подкреплялись более чем двусмысленными местами ельцинской конституции 13 декабря 1993 г.). Имелись и другие вопиющие расхождения с федеральным законодательством. Пожалуй, самым шумевшим стал избирательный закон Республики Адыгея, согласно которому право избираться на должность президента республики имел лишь че-

ловец, владеющий адыгейским языком. Этот закон закрывал доступ на высший республиканский пост русскому большинству (самих адыгейцев на тот момент в республике проживало около 22% от общего состава населения).

Цель, поставленная перед первыми полпредами, была достигнута. Устранены наиболее вопиющие противоречия регионального законодательства с федеральным. Наряду с участием в редактировании законодательской базы полпреды были наделены функциями политических комиссаров, докладывающих в центр о положении на местах. Приняли участие полпреды и в региональных избирательных кампаниях. В течение первой трети 2000-х годов была проведена смена глав ряда регионов. Насколько оправданной оказалась ставка на «крепких хозяйственников» - другой вопрос. Но активность полпредов на этом этапе не подлежит сомнению.

А дальше началась пробуксовка. Институт полпредов мог бы развиваться при условии наделения его представителей властными полномочиями. Этот системный недостаток был виден уже на заре существования полпредств. В ЮФО, всегда бывшем на особом счету в Москве, при таких влиятельных полпредах, как Дмитрий Козак, этот недостаток отчасти компенсировался возможностью контролировать реализацию федеральных целевых программ (прежде всего, ФЦП «Юг России»). Однако деньги направляла Москва, а распоряжались ими президенты (губернаторы). За полпредами оставалось наблюдение. Эта функция так и не была логически развита в институт финансовых инспекторов. Попытка Д. Козака ввести институт антикризисного управления для дотационных регионов встретила дружное сопротивление всех региональных руководителей. Тем не менее, мониторинг расходования средств в рамках этой и других ФЦП позволял временами «срезать» излишние расходы в тех случаях, когда республики не могли обосновать расходование средств.

Спустя несколько лет после создания институт полпредов в федеральных округах превратился в пушку, стреляющую по воробьям. Положительный эффект мая 2000-го оказался давно израсходован. Однако 19 января 2010 года последовало решение, на время, казалось бы, вдохнувшее жизнь в постепенно отмирающую затею. В этот день было объявлено о разделении ЮФО на два округа: собственно, Южный и Северо-Кавказский. В качестве дополнения к 6-ти национальным республикам в состав СКФО был включен преимущественно русский (более 80% от общего состава населения) Ставропольский край.

Объявление о создании «кавказского» округа было воспринято одними с надеждой, другими — с неприкрытой тревогой. Тревожиться пришлось, главным образом, русскому населению «титовых» республик и Ставропольского края, психологически оказавшихся оторванными от остальной России. Напротив, этнокланами республик создание СКФО было воспринято как карт-бланш на колонизацию русского Ставрополя. Действия в этом направлении не заставили себя

ждать. Активизировались миграционные процессы, усилилась экспансия северокавказских финансово-политических группировок на Ставрополье, прежде всего, его жемчужину — Кавказские Минеральные Воды. Как следствие — отток русского населения.

Чувство обеспокоенности охватило не только русских. Многие представители северокавказских этносов прекрасно понимают причинно-следственную связь между созданием «кавказского» округа, оттоком русского населения и последующей архаизацией и анархизацией макрорегиона. Русские исторически играют роль основного актора модернизации и, в то же время, «буфера» межэтнических конфликтов. В частных беседах многие простые кавказцы откровенно признаются: уедут русские — мы начнем резать друг друга. Нельзя сказать, что для сохранения (или возвращения) русского населения ничего не делается. В ряде республик (Дагестан, Чечня и др.) приняты специальные законы. Но сила вещей сильнее силы закона. Создание СКФО тоже послужило делу дерусикации, углубив политико-психологическую грань между Северным Кавказом и остальной страной.

С тревогой было воспринято и известие о новом переформатировании федеральных округов, о котором шла речь в начале статьи, жителями и элитами социально-экономически развитых Дона и, особенно, Кубани, коим грозит стать локомотивами для отстающих регионов. Недавнее заявление губернатора Краснодарского края Александра Ткачева о создании казачьих дружин для борьбы с миграцией свидетельствует о серьезной готовности кубанцев защищать свой край от внешней и внутренней колонизации, которая идет полным ходом в соседнем Ставрополье. И все же, не все столь однозначно. Если это переструктурирование не окажется очередной «уткой», то положительные последствия скажутся для республик Северного Кавказа и укрепления общегосударственного пространства страны. Плюсом это обернется и для Ставрополья, которое ощущает себя покинутым: это единственный край (остальные регионы, входящие в СКФО — республики), единственный русский регион в окружении (в смысле, обрамлении) горских регионов. Другое дело, если этим регионам перепадет часть щедрого бюджетирования, коим балуют национальные республики Северо-Восточного Кавказа (Чечня, Ингушетия, Дагестан). Однако пример Ставрополья показывает, что финансовые потоки, направляемые в СКФО, обходят край стороной. Впрочем, то же самое могут сказать о себе и некоторые «титовские» республики, чье финансирование из федерального бюджета превышает финансирование Ставропольского края, но сильно уступает трем привилегированным республикам.

Также несомненно, что более правильным будет сохранение названия «Южный федеральный», а не «Северо-Кавказский» названии федерального округа.

Углубляются процессы этнической и региональной фрагментаризации, что не может не вызывать беспокойства за целостность страны. По этим причинам в психологическом и идеологическом плане предпочтительней именно «географическое», а не этнокультурное наименование. К тому же Северный Кавказ — часть более крупного макрорегиона - юга России.

Однако создание «нового старого» федерального округа не снимает вопроса о целесообразности сохранения самого института полпредств президента в федеральных округах. К примеру, полпред президента в ЮФО В. Устинов — наверное, самый незаметный из полпредов ЮФО. Его участие в общественной или политической жизни региона незаметно. У многих экспертов давно сложилось впечатление, что южное полпредство является лишней надстроечной структурой, потребляющей немалые ресурсы и не выполняющей реальной нагрузки. Чего нельзя сказать о проявляющем высокую активность полпреде Северо-Кавказского федерального округа Александре Хлопонине. Бывший губернатор Красноярского края — несомненно значимый ньюсмейкер и медийная фигура, хотя деятельность его оценивается крайне неоднозначно. Нельзя исключить, что вскоре после объявления о переструктурировании федеральных округов на юге России будет объявлено об упразднении самого института как выполнившего свои функции и дублирующего деятельность «ординарных» органов государственной власти. Возможно, именно к такому выводу подводит современная российская действительность...

Представляется (и инициатива губернатора Краснодарского края А. Ткачева — лишнее тому подтверждение), что минимизация кризисной ситуации в Северокавказском регионе не может быть решена без использования проверенного временем исторического опыта существования русских в инокультурной среде, каковым являлось казачество. Возникнув сначала как форме самоорганизации русских на окраинах государства казачество впоследствии было инкорпорировано в государственную структуру Российской империи. Подвергшись политике геноцида в годы Гражданской войны и коллективизации, генофонд казачества был в значительной степени подорван. Казачье население республик Северного Кавказа в полной мере ощутило на себе последствия правлений этнократических режимов, и, прежде всего, дудаевского. Однако, как и остальное русское население Северокавказского региона, не получило должной поддержки государственной власти в виде оказания помощи беженцам и вынужденным переселенцам из бывшей ЧИАССР и других республик Северного Кавказа. Причем политика современного российского государства, как будет показано ниже, отличается непоследовательностью в использовании перспектив казачества как государственного служилого сословия, с помощью которого можно эффективно решать проблему насилия в Северокавказском регионе.

Проследим основные вехи законоотворчества последних двух десятилетий по вопросам казачества.

14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

В 1991 г. общественные организации репрессированных народов добились принятия закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Под давлением казачьего движения федеральные органы государственной власти причислили казачество к репрессированным народам, что получило правовое закрепление в указе Президента России от 15.06.1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» и Постановлении Верховного Совета РФ от 16.07.1992 г. №3321-1 «О реабилитации казачества». Стремление российского Правительства выработать государственный механизм, обеспечивающий возрождение казачества, проявилось в постановлении Правительства РФ от 22.04.1994 г. №355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» и принята концепция «Возрождение традиционной для России государственной службы казачества является одним из элементов становления новой российской государственности, укрепления ее безопасности». Данным Постановлением утверждены примерные положения о государственной службе казачества, приведен исчерпывающий перечень видов государственной службы российского казачества, который будет в дальнейшем дополнен.

9 августа 1995 года Указом №835 Президента Российской Федерации было утверждено «Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации».

В январе 1995 года было создано Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации, которое в 1998 году было преобразовано в Управление Президента Российской Федерации по вопросам казачества. В 1996-1998 годах в государственный реестр были внесены 10 войсковых, 3 окружных, 4 отделических казачьих общества, в том числе: Волжское, Сибирское, Иркутское, Забайкальское, Терское, Уссурийское, Енисейское, Оренбургское, Кубанское войсковые казачьи общества, а также казачье общество «Всевеликое войско Донское».

В 1994 г. при Президенте России был образован Совет по делам казачества, который в течение двух лет выполнял функции координатора взаимоотношений казачьих организаций и государственных органов как федерального, так и регионального, местного уровней.

Указом Президента РФ от 16.04.1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» утверждено соответствующее Положение. В его 2-ом разделе «Виды службы», к которой привлекаются

члены казачьих обществ, и порядок привлечения их к службе» предусмотрено, что члены казачьих обществ могут участвовать в охране общественного порядка с пограничной, природоохранительной, и иной служебной деятельностью.

В 1996 г. вместо Совета по делам казачества при президенте РФ создано военному хорошо организованное Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации (ГУКВ). Оно состояло из трех отделов со штатной численностью 32 человека. ГУКВ проводило большую организационную работу по формированию российского казачества, разрабатывало проекты нормативных актов по актуальным проблемам казачьего движения.

К 1998 г. стало ясно, что для дальнейшего улучшения работы государства с казачеством необходимо значительно повысить статус ГУКВ до уровня федерального органа с правами министерства или государственного комитета. С этой целью 12 февраля 1998 г. РФ подписал указ №162 «О мерах по совершенствованию структуры Администрации Президента Российской Федерации», согласно которому ГУКВ выводилось из состава Администрации Президента РФ и было постановлено считать его государственным органом при Президенте России для осуществления функций федерального органа по выработке единой государственной политики по возрождению российского казачества. Эта реорганизация могла значительно повысить возможности ГУКВ в решении казачьих проблем. Но указ Президента РФ был исполнен лишь частично. Как свидетельствует Т.В. Таболина, против придания Главному управлению казачьих войск статуса федерального государственного органа выступил С. В. Кириенко, занимавший в то время должность Правительства РФ. Он не подписал документы, необходимые для реорганизации и оно не было включено в указ РФ от 30.04.1998 г. № 384 «О структурах федеральных органов исполнительной власти». Искусственно созданная таким образом ситуация положения ГУКВ в политической подрывала основы энергично начавшегося процесса создания государственных структур, целенаправленно занижающихся организацией государственной службы реестровых казаков.

7 августа 1998 г. решение об образовании нового специализированного казачьего федерального органа в форме Управления Президента России по вопросам казачества (УПКВ). Его начальником назначен потомственный казак, генерал армии, Герой России П. С. Дейнекин, что повышало авторитет нового государственного органа среди казачьей общественности и в государственной аппарате. Однако по сравнению с ГУКВ объем полномочий нового управления значительно уменьшился, численность аппарата сократилась вдвое. Эти обстоятельства снизили возможности управления в решении казачьих проблем.

К сожалению, современная нормативно-правовая база федерального законодательства и механизм взаимодействия государства с казачеством не имеют однообразного подхода к правовому регулированию процесса возрождения ка-

зачества, обеспечения его хозяйственной и иной государственной деятельности. Для преодоления такого состояния специальный федеральный закон, который способен устранить противоречия законодательства, создать реальные условия для несения государственной и иной службы, обеспечения надежной и социальной защиты казаков, выполняющих служебные обязанности.

Именно о необходимости такого закона говорил вновь назначенный советник Президента РФ, Герой России Геннадий Николаевич Трошев, безвременно погибший в авиакатастрофе.

Несмотря на обилие принятых документов и созданных «казачьих» структур, казаки, подвергавшиеся политическим репрессиям, не получили реальной государственной поддержки для восстановления традиционных административно-территориальных образований. Автономные республики и области, входившие в состав РСФСР, после развала Советского Союза повысили свой правовой статус до республик в составе Российской Федерации. В конституциях этих образований обозначался приоритет республиканского законодательства над федеральным вплоть до права выхода из состава РФ. Казачьим областям не был придан статус национальных республик; не были воссозданы традиционные казачьи области, которые были поделены между национальными «титულიными» республиками и административно-территориальными образованиями — областями и краями.

Тем самым, реабилитация репрессированных народов проводилась выборочно и не затронула казачье население.

В связи с несовершенством федерального законодательства и его отставанием от актуальных запросов казачества разработкой нормативно-правовой базы для его возрождения вынуждены заниматься также республиканские, краевые, областные органы государственной власти, расположенные в местах компактного проживания казаков.

Так, для реализации поручений, изложенных в Указе Президента РФ, принималось специальное постановление правительства России от 18.01.1999 г. № 67 «О Федеральной целевой программе государственной поддержки казачьих обществ, в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации на 1999-2000 годы» и ряд краевых правовых актов. К их числу относятся постановление государственной Думы Ставропольского края от 30.05.1996 г. № 370-29 ГДСК «О Положении о порядке предоставления земельных участков казачьим обществам в Ставропольском крае» и постановление губернатора Ставропольского края от 25.03.1999 г. № 161 «О государственной поддержке казачьих обществ Ставропольского края, внесенных в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации». В бюджете Ставропольского края были предусмотрены денежные средства для предоставления ссуд на возвратной основе казачьим крестьянско-фермерским хозяйствам.

Казачье население Северо-Кавказского региона является составной частью коренного населения региона. И, следовательно, интересы русских и казаков Северного Кавказа должны учитываться при принятии политических и иных решений, затрагивающих интересы его населения, а не проводится в интересах какой-либо одной этнической группы.

Без сохранения русского присутствия в регионе невозможно сохранение межэтнического мира и профилактика насилия в этнорелигиозной сфере. В этой связи необходимо придать казачеству правовой статус действительно служилого сословия, с возложением на него обязанностей государственной службы и наделением соответствующими правами. Казачество должно быть восстановлено в новых условиях, но на испытанных временем принципах: вооруженное сельское население, со своим укладом и системой местного самоуправления, несущее государственную службу, передающуюся из поколения в поколение.

Казачи Верхней Кубани: в ожидании реабилитации

Андрей Гудимов

Фактически сразу после октябрьского переворота, с момента установления советской власти на юге России, территория бывшего Кубанского войска была поделена между различными административно-территориальными единицами. После распада СССР часть Кубанского войска оказалась в составе национальных республик Северного Кавказа. Казачьи станицы Верхней Кубани оказались в составе Карачаево-Черкесской республики. В начавшемся «параде суверенитетов» казачество, как и другие репрессированные народы, опираясь на положения федерального закона «О реабилитации репрессированных народов», пыталось отстоять свои права, добившись восстановления реального казачьего самоуправления.

Игнорирование властями Карачаево-Черкесии казачества в качестве самостоятельной этнической группы привело к попыткам фиксации и институционализации казачьей этничности в ходе всероссийских переписей 2002 и 2010 годов.

В соответствии с Конституцией Карачаево-Черкесской республики, принятой 5 марта 1996 года и опираясь на Статью 23. п.1. (*Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность*) часть казаков Баталпашинского казачьего отдела Кубанского казачьего войска (БКО ККВ) во время проведения всероссийской переписи населения в 2002 году на территории Карачаево-Черкесии указала в графе национальность — казак. В то же время, часть казачьего населения КЧР, сохранив в своей исторической памяти кошмар геноцида, проводимого в двадцатом веке государственными органами с начала 1918 года, наблюдая разного рода ограничения и ущемления прав казаков уже в веке двадцать первом, руководствуясь той же статьей Конституции КЧР (Статья 23. п.1. *Никто не может быть принужден к определению своей национальной принадлежности*), либо не указывала вовсе свою национальность, либо в качестве национальной принадлежности указала — русский/русская. Во время проведения разного рода соцопросов на вопрос «почему Вы так поступили», давался прямой и недвусмысленный ответ — «Опасаемся возобновления репрессий»; «Власть намерена хитростью выявить всех казаков, которых пока еще не удалось уничтожить, а затем уже окончательно извести казачество под корень».

Перед проведением всероссийской переписи 2002 года верхи казачества и на Кубани в целом, и на Верхней Кубани в частности, не смогли прийти к единому мнению о том, как же следует поступить при определении национальной при-

надлежности казаков и членов их семей во время проведения переписи. Из Рады Кубанского казачьего войска (Правительство кубанского казачества) приходили противоречивые, взаимоисключающие по смыслу приказы.

В Баталпашинском казачьем отделе Кубанского казачьего войска (БКО ККВ), непосредственно перед проведением переписи, разослали на места - в хутора, станицы, города, районы с компактным проживанием казаков, указание о том, что следует указать национальность — русский/русская. Но в последнюю минуту» в руководстве БКО ККВ передумали и пошла команда о том, что каждый определяется самостоятельно. Однако это оповещение запоздало и не все казаки были с ним ознакомлены. В результате руководство БКО ККВ после проведения переписи получило в свой адрес множество упреков. Имелись случаи, когда глава семьи, как сознательный и дисциплинированный казак, руководствовался первоначальным указанием Правления БКО ККВ и записывался как русский, а супруга, «своенравная казачка», дети и старики родители записывались как казаки. Что потом вызывало в хуторах и станицах обидные прозвища «кацап» в отношении таких казаков, позиционировавших свою национальность в качестве русского. Подобные «обиды» явились одной из причин того, что не все казаки,

годные «к государственной службе», вошли в государственный реестр (казаки, принявшие на себя обязательства по несению государственной службы) в БКО ККВ. А некоторые вошедшие казаки в последствии вышли из госреестра.

Эта ситуация в определенной мере повторилась и при проведении всероссийской переписи населения 2010 года. Надо отметить, что после проведения переписи 2010 года, к концу 2012 года на территории Карачаево-Черкесии имеется значительное число казаков, которые организованы в виде межрегиональных и местных общественных организаций, отвергающих государственный казачий реестр по принципиальным соображениям. Число их растет, в том числе и за счет казаков вышедших из госреестра Кубанского казачьего войска. С учетом сложившихся в стране политической реалий, среди верхнекубанских казаков все больше становится сторонников создания «своей» казачьей политической партии, с целью создания, наконец, механизма решения своих насущных вопросов.

Подобные идеи все глубже проникают в умы казаков юга России. Так летом 2012 года, казаки, как не реестровые, так и реестровые, собрались в г. Армавире на большой круг обсудить вопросы создания в Российской Федерации политической партии казаков. Казаки полагают, что прошедшие 20 лет практически ничего коренным образом не изменили в деле возрождения казачества. И само российское казачество в годы геноцида и репрессий лишенное своей земли, своего казачьего самоуправления, не реабилитированное в полной мере, обрекается на вымирание и забвение.

На референдуме, прошедшем 28 марта 1992 года, решившем судьбу сохранения территориального единства Карачаево-Черкесии, на вопрос **«Согласны ли Вы при полной реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» сохранить единую Карачаево-Черкесскую ССР в составе Российской Федерации»**, казаки, проживающие на территории нынешней Карачаево-Черкесии, не без сомнений ответили утвердительно. Именно итоги проведенного Референдума отражает Статья 1. п.2. Конституции КЧР - *Территория Карачаево-Черкесской Республики является единой и неделимой, и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации. Ее границы не могут быть изменены без согласия народов Карачаево-Черкесской Республики.* Однозначное утверждение Статьи 2. п.2. Конституции КЧР, говорящее о том, что *Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы*, фактически легитимирует итоги этого референдума в отношении целостности Карачаево-Черкесской республики.

Для казаков, населяющих Карачаево-Черкесию, безусловно то, что сохранение легитимности нынешней республики в её нынешних границах основано и сохраняется лишь на соблюдении выполнения условий Референдума от 28.03.1992 года. А именно - на неукоснительном исполнении в отношении

верхнекубанского казачества положений федерального закона «О реабилитации репрессированных народов». Причем это должна быть именно «**полная реализация**» данного закона в отношении казаков БКО ККВ. Ведь в отношении другого народа, проживающего на территории нынешней Карачаево-Черкесии, подвергнутого политическим репрессиям, - карачаевцев, реабилитация проведена в полном объеме. Восстановлена утраченная автономия. Восстановлены административно-территориальные образования - созданы Карачаевский и Малокарачаевский районы, г. Карачаевск. На их обустройство и создание инфраструктуры неоднократно выделялись государственные средства. За счет государства подготовлена управленческая и научная карачаевская этноэлита. Карачаевцы фактически стали титульной (определено в названии республики) и субъектообразующей нацией в Карачаево-Черкесской республике (определено в преамбуле Конституции КЧР). Карачаевский язык получил статус государственного языка (Статья 11. п.1. Конституции КЧР). Восстановлены печатные органы на национальном карачаевском языке. Их финансирование взяло на себя государство. В школах ведется обучение карачаевскому языку и преподавание на нем. Мусульманское духовенство в местах компактного проживания карачаевцев получает от государства реальную поддержку. Все карачаевцы неоднократно получали выплаты за потерянное имущество и ссуды от государства на обустройство, которые затем в большей части погашались. А самое главное реабилитация карачаевцев проходила именно по коллективному принципу, исходя из года рождения. В индивидуальном порядке карачаевцам не пришлось доказывать то, что они пострадали от политических репрессий.

Все это позволяет сделать вывод о том, что на территории КЧР в полной мере реабилитированы ранее высланные карачаевцы и реабилитированы именно на основании закона «О реабилитации репрессированных народов».

Реабилитация карачаевцев осуществлялась не в индивидуальном порядке, а в коллективном, по годам рождения. Они получили и льготы, и выплаты за утраченное имущество, ничего и никому не доказывая индивидуально. Получили назад и утраченные земли и фактически, пусть и квази, но государственность.

В отношении казаков, проживающих в Карачаево-Черкесии, к которым применяли не просто политические репрессии, а осуществляли настоящий геноцид, подобной реабилитации не происходит. Действие закона «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казаков «заморожено». Хотя реальность такова, что в отношении казаков этот закон на территории КЧР никогда и не применялся. В этом случае прямо нарушены требования Конституции КЧР изложенные в Статье 10. п.2. ... *сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности - высшая цель Карачаево-Черкесской Республики.*

Казакам предлагается «при желании» воспользоваться в индивидуальном порядке другим федеральным законом «О реабилитации жертв политических репрессий», который построен на основе персональной реабилитации реабилитируемых и членов их семей. Но государство подвергло казаков репрессиям по групповому признаку - скопом, без различения по каким-либо индивидуальным качествам или личным провинностям. Факты жесточайших массовых репрессий бесспорны. И потому, если бесспорно то, что власть подвергла казаков коллективной репрессии, их «коллективное» право на реабилитацию также бесспорно и установлено законом. Именно казачье население Карачаево-Черкесской республики на основании Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов (казачества)» более всего имеет прав на восстановление незаконно утраченного в результате политических репрессий и геноцида.

В 1931 году на территории нынешней Карачаево-Черкесии, в результате проводимой государственной политики расказачивания, направленной на поголовное истребление казаков, был ликвидирован Русский (Баталпашинский) район, ведущий свое начало от также незаконно ликвидированного после октябрьского переворота 1917 года Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска. Только в первой половине XX века станицы и хутора казаков, населяющих нынешнюю Карачаево-Черкессию шесть раз передавались из одного административно-территориального образования в другое. Казаков Баталпашинского отдела на их территории проживания (будущей КЧР) уничтожали целыми станицами, выслали, морили организованным голодом и теперь требуют индивидуальных доказательств. Требуют у людей планомерно и коллективно уничтожаемых еще с 1918 года. Хотя даже в XXI веке все также не прекращались попытки руководства Карачаево-Черкесской республики (КЧР) ликвидировать, созданные именно в рамках закона «О реабилитации репрессированных народов» (в том числе казачества), государственные казачьи структуры.

Так, к примеру, Президенту КЧР Б.С. Эбзееву, утвержденному Парламентом КЧР 5.08.2008 г, видимо в рамках проводимой им реформы по нивелированию этнического фактора в госуправлении, Министром Миннаца КЧР В.С. Казаковым подавался проект по ликвидации Управления по делам казачества при Президенте КЧР и передачи его в качестве не самостоятельного отдела в состав Министерства КЧР по делам национальностей, массовых коммуникаций и печати. Причем Конституции КЧР требует, чтобы высшие органы ветвей власти Карачаево-Черкесии формировались с учетом этнического паритета — и исполнительной, и представительной и законодательной.

Подобные попытки неоднократно предпринимались и ранее. Случалось, что численный состав «управления» доводили до двух человек, а должности заместителей глав районов КЧР по делам казачества (в местах компактного проживания казаков) ликвидировав, не восстановили до сих пор, хотя ныне действующее руководство республикой публично обещало восстановить их деятельность.

Казаки КЧР, как и все граждане Российской Федерации, проживающие на территории Карачаево-Черкесской Республики, имеют право участвовать в управлении делами Карачаево-Черкесской Республики как непосредственно, так и через своих представителей (Конституция КЧР Статья 29. п.1.). Кроме того, Конституция КЧР утверждает, что Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Карачаево-Черкесской Республике гарантируется (Статья 42.п.1.). Таким образом, гарантируется государственная защита прав и свобод каждого казака проживающего на территории КЧР, а следовательно должны быть обеспечены гарантии выполнения условий проведенного референдума также для каждого казака. Условия референдума не могут быть пересмотрены в соответствии с требованиями Статьи 29. п.2. Конституции КЧР (Граждане Российской Федерации, проживающие на территории Карачаево-Черкесской Республики, имеют право... участвовать в референдуме). Ведь именно референдум, в соответствии со Статьей 2. п.2. Конституции КЧР, является Высшим непосредственным выражением власти народа. И в соответствии со Статьей 79. п.2. Вопросы, находящиеся в ведении Карачаево-Черкесской Республики, могут быть вынесены на референдум Карачаево-Черкесской Республики (в том числе по реабилитации репрессированного казачества).

Таким образом, фактически вопросы реабилитации народов (этносов) проживающих на территории КЧР были фактически вынесены на референдум и положительно решены населением. А на территории КЧР только карачаевцы и казаки попадают под действие федерального закона «О реабилитации репрессированных народов» (казачества). И так как проведенный референдум, согласно Конституции, это именно высшее непосредственное выражение власти народа, никто не вправе отменить это решение именно на территории Карачаево-Черкесской республики. В отношении карачаевцев решение многонационального народа Карачаево-Черкесии исполнено, в отношении казаков — нет. Но в соответствии со Статьей 49 Конституции КЧР Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. И в соответствии со Статьей 50 Конституции КЧР, Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Казаки ждут исполнения этого требования Конституции в полном объеме. Ведь Конституция КЧР — это основной закон Карачаево-

Черкесской республики. И ждут первичного проявления инициативы именно от Главы КЧР. Ведь в соответствии со Статьей 63. п.3. Конституцией КЧР именно Глава республики является гарантом Конституции Карачаево-Черкесской Республики. Кроме того, именно Глава Карачаево-Черкесской Республики, в соответствии со Статьей 4 Конституции КЧР, **в первую очередь** осуществляет Государственную власть в Карачаево-Черкесской Республике. И лишь затем Народное Собрание (Парламент) Карачаево-Черкесской Республики, Правительство Карачаево-Черкесской Республики, суды Карачаево-Черкесской Республики.

Кровная месть и коллективная ответственность как фактор социальной стабильности на Северном Кавказе

Валерий Коровин

Рассмотрение такого явления, как коллективная ответственность, а так же вытекающего из него подхода, получившего определение «кровная месть», наиболее интересно именно в свете процесса однополярной глобализации, перемалывающей и унифицирующей все нюансы культурного и социального устройства народов, этнические и конфессиональные отличия, сами народы и этносы. И этот процесс является серьёзной угрозой для тех, кто считает культурное и этническое многообразие — ценностью. Такой подход во многом присущ представителям традиционных конфессий, к которым можно отнести большинство христиан, мусульман, иудеев, индуистов, буддистов (исключая секты, искажающие суть), приверженцев других древних традиций. А это уже — большинство населения планеты, которому небезразличны последствия механического глобализационного подхода, уничтожающего сами основы мировоззренческих представлений и социального уклада этого большинства.

В этой связи, именно ислам, в самых разных своих проявлениях, включая и сугубо сектантские, на сегодня находится в авангарде сопротивления однополярной глобализации современного мира. Поэтому именно в контексте ислама наиболее интересно рассмотреть явления коллективной ответственности и кровной мести, к тому же именно там, где он максимально сохранился в своих изначальных формах — на Северном Кавказе. При этом следует оговориться, что эти явления свойственны и для других культурно-этнических ореолов. В частности, эти явления были присущи и для славянских племён¹, а так же для других традиционных народов и этносов, и имеют изначальное, традиционное происхождение именно из родоплеменной формы социального устройства. По мнению С. В. Жильцова, обычай кровной мести возникает за десятки тысяч лет до появления первых государств².

Представителям и носителям традиционалистского мировоззрения совершенно очевидно, что бюрократический аппарат современного государства, выстроенный современным миром, может иметь воздействие и влияние только на светское десакрализованное общество атомизированных людей, лишенных каких-либо корней и традиционной идентичности. Рамки же нравственного и эти-

1 Георгиевский Э. В. Кровная месть и смертная казнь у восточных славян // Сибирский Юридический Вестник. - 2005. - № 1.

2 Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России // М., 2002. С. 19.

ческого поля как раз сохраняются в кровнородственных семьях или кланах, и, в частности, примерами этого являются многочисленные традиционные этносы, состоящие из кланов и больших кровнородственных семей на территории России¹, в особенности, на Северном Кавказе, но так же и в Сибири, на Алтае и т.д.

Сегодня, живя в России, мы воочию наблюдаем то, что римское право, которое доминирует на данный момент во всём мире, даёт сбои там, где сохранились элементы кланового, родоплеменного устройства. В частности, если речь идёт о России, то в первую очередь мы должны говорить в этой связи именно о Северном Кавказе, где и проживает большинство традиционных этносов, которые являются хранителями изначальной традиции. Стоя на нормативах ислама — на аятах — они сохраняют в себе ещё и элементы предисламской традиции, то, что определяется понятием адат². И именно в этом контексте в России сохраняются элементы коллективной ответственности и такое, основанное на них явление, как кровная месть³.

Понятие кровная месть вызывает у европейцев легкую оторопь. Однако именно сохранение принципа кровной мести на Северном Кавказе, тем не менее, является во многом элементом стабильности.

Обоснование сохранения системы традиционного устройства мы находим, в первую очередь, в Коране. И здесь можно говорить о том, что утрата или ослабление веры, свойственные современному миру, приводят, помимо всего прочего, к разрушению родственных связей, а, следовательно, и к разрушению родовой организации.

В частности, сура 47, Мухаммат, аяты 22 и 23 гласят: «А может быть, вы, если отворачитесь (в контексте — от веры), будете портить землю и разрывать родственные связи? Это — те, кого проклял Аллах. Он оглушил их и ослепил их взоры»⁴. Из этого аята следует, что ослабление веры — морально-нравственной основы — есть следствие ослабления кровнородственных связей.

Таким образом, сохранение кровнородственных связей является основным элементом традиционных этносов, гарантом сохранения традиций и веры, в частности, самого ислама. Исходя из этого, на верующих мусульман, сохраняющих родственные связи, возлагается обязанность родственной взаимопомощи и долг кровной мести. Это, в частности, так же обосновано в Коране, сура 2, Ковова,

1 Нухаев Х.-А. Государственность и традиционный порядок: непримиримость миров // Возвращение варваров. М.: Мехк-Кхел, 2002, стр. 38

2 Омаров А. С. Адат (араб. — обычай), обычное право у мусульманских народов, противостоящее религиозному праву — шариату. Многие нормы А. сложились в условиях господства родоплеменных отношений (кровная месть, побратимство и т. д.) // БСЭ, В 30 т. - М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978.

3 Кровная месть — *lex talionis* в римском праве — возмездие — в Коране, с арабского — технический термин, оценочно не нагруженный.

4 Коран, сура 47 «Мухаммад», аяты 22-23 // Внешторгиздат. Изд. № 1781 р, стр. 393

аяты 178 и 179. В ней как раз говорится: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный — за свободного, и раб — за раба, и женщина — за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то — следование по обычаю и возмещение ему во благе. Это — облегчение от Господа вашего и милость; а кто преступит после этого, для него наказание болезненное! Для вас в возмездии — жизнь, о обладающие разумом! — может быть, вы будете богобоязненны!»¹

Таким образом, обоснование неизбежности возмездия мы находим в Священном писании мусульман. И обязанность осуществить это неизбежное возмездие ложится на кровных родственников потерпевшей стороны. При этом возмездие настигает не обязательно того, кто совершил преступление, но, исходя из принципа коллективной ответственности, если он злостно уклоняется от возмездия, оно может настигнуть его ближайших кровных родственников. Однако данным обычаем обязательно сохраняется равнозначность совершённого деяния. Если ты убил мужчину, то мужчина и пострадает с твоей стороны, если женщину, то пострадает женщина — свободный за свободного, раб за раба, око - за око. Таким образом, сохраняется баланс возмездия, что предотвращает эскалацию насилия.

Исходя из этого принципа, совершающий или совершивший преступление подвергает опасности и ответственности не только себя лично, но и своих близких родственников, что в системе кровнородственного устройства является очень важным сдерживающим фактором для него лично. В этом случае институт кровной мести является стабилизирующим социальным инструментом, т.к. даже если преступник лично избежал наказания, он подставляет под ответственность своих близких родственников, в первую очередь отца, братьев и т.д. Понимая это, человек не так легко идёт на преступление, как он это делает в западном мире или в тех пространствах, где римское право является доминирующим. Возмездие здесь, в отличие от римского права, где преступник может скрыться, является действительно неизбежным. Если ты скрылся, то накажут твоих близких родственников.

В Римском праве наказанным может быть только непосредственно совершивший преступление, и если ему удастся укрыться, то он, по сути, избегает возмездия. Понимая то, что тебя могут и не найти, человек всегда рассчитывает именно на это, на безнаказанность, идёт на преступление с мыслью о том, что даже если он осуществит преступление, его, возможно, не найдут, что позволит избежать наказания. Этот момент исключён в ситуации, когда мы говорим о коллективной ответственности.

Когда же человек понимает неизбежность наказания, исходя из принципа коллективной ответственности, это становится сдерживающим фактором перед осуществлением самого преступления. То есть он многократно больше раздумает,

1 Коран, сура 2, Корова, аяты 178 и 179 // Внешторгиздат. Изд. № 1781 р, стр. 21

осуществить ли ему это деяние, нежели человек, находящийся в системе Римского права¹. В римском праве если ты, будучи, например, Бен Ладеном, организовал атаку на небоскрёбы, где погибли сотни людей, то накажут всё равно одного тебя. Здесь нет равноценности. А законы равноценного возмездия гласят, что если от твоих рук пострадали десятки людей, то и десятки людей твоего рода погибнут. Такого рода деянием ты их обретаешь на гибель, за что будешь проклят своим родом в веках. Когда человек знает об этом, он никогда не пойдёт на подобное преступление, ибо осознаёт, что в этом случае несколько десятков Бен Ладенов будут просто уничтожены физически. Прежде чем совершить такое преступление, он сто раз подумает.

Кровная месть против римского права

На Северном Кавказе закон кровной мести, основанный на принципе коллективной ответственности — носит скорее профилактический характер. То есть он предотвращает преступление. В то время как римское право направлено на то, чтобы раскрыть преступление и наказать преступника, закон кровной мести вообще *сводит на «нет»* возможность преступления. Здесь стабильность всегда была выше, нежели в тех пространствах, где доминирует римское право. Но сейчас римское право пришло и на Кавказ. Мы видим результат...

Неотвратимость наказания приводит к тому, что наличие системы коллективной ответственности и кровной мести исключает в принципе возможность совершения осмысленного, заранее спланированного преступления, что делает общество более стабильным и более уравновешенным, т.к. ответственность становится действительно неизбежной.

Учитывая этот принцип, любой ответственный правитель любого государства должен понимать, что, признавая и легализуя принцип коллективной ответственности и кровной мести на территории своего государства, он создаёт предпосылки более стабильного общества. Государственная система, в которой присутствует и Римское право, направленное на атомизированных граждан, и легализованная система коллективной ответственности кровной мести для тех пространств, которые населены традиционными этносами, является более плюральной, более свободной и демократичной по отношению и к атомизированным гражданам, и к традиционным общинам.

В том случае, если система коллективной ответственности оказывается вне легального поля, но при этом, в среде традиционных общин она остаётся легитимной, сомнению начинает подвергаться и легальная система римского права. В этой ситуации получается, что часть общества соблюдает традиционные законы кровной мести, понимая, что они не находятся в рамках установленных госу-

1 О. А. Кудинов Римское право. Курс лекций // М.: Экзамен, 2008.

дарством правовых моделей. Другая же часть общества действует исключительно в рамках римского права, понимая, что это не выводит их из-под действия легитимных законов коллективной ответственности, относящихся к обычному праву, и государство с этим ничего не может поделать. Как следствие, в обществе складывается правовой нигилизм, причиной которого становится то, что государство устанавливает правовые нормативы и ограничения (в отношении, например, кровной мести), соблюдение которых не в состоянии обеспечить.

В этой ситуации у государства, нормативно имеющего монополию на насилие, остаётся два пути: либо полная ассимиляция традиционных этносов в гражданское общество, что на практике означает *этноцид* — искоренение традиционных этносов¹; либо восстановление традиционных форм социального устройства, легализация законов коллективной ответственности наравне с моделями римского права (для традиционных этносов это — коллективная ответственность). Но с оговоркой, что их распространение ограничивается средой проживания традиционных этносов и общин, и не распространяется на анклавные гражданские общества — мегаполисы, города, посёлки городского типа, устроенные в соответствии со светскими моделями. Там же, где коллективная ответственность является неотъемлемой частью социальной организации, необходимо начать восстановление клановых и общинных форм социального устройства².

Таким образом, любая ответственная власть, стремящаяся действительно к социальной стабильности, а не к осуществлению единоличного права насилия, должна признавать и способствовать развитию институтов кровнородственных общин и установлению принципов коллективной ответственности. Легализация обычного права, элементом которого является кровная месть, в этом смысле есть движение к более *плюральной* системе правового устройства.

В любом случае система глобального римского права, которое сегодня доминирует, лишь провоцирует людей, думающих о возможности избежания возмездия, на преступления, и лишь увеличивает количество насилия в мире. Напротив, восстановление традиционного общества, традиционных общин с доминированием коллективной ответственности, бросает вызов современному миру насилия — и делает мир более демократичным и свободным.

1 А.Г. Дугин Этносоциология // М.: Академический проект, 2011.

2 Например, у вайнахов клан — это вар — первая ступень социальной организации, объединяющая родственников до седьмого, иногда до девятого колена, основа традиционного общественного уклада. На клан ложится обязательность исполнения функции, определяющей силу кровного родства — долг кровной мести.

Система социального устройства на основе кровнородственных кланов

Не смотря на ряд преимуществ, которые имеет правовая система, основанная на принципах коллективной ответственности, следует понимать, что реализация данной модели возможна лишь в условиях общества, в котором кровнородственные, клановые связи не только сохранились, но и достаточно сильны. Только в этом случае кровное родство является фактором, который как заставляет представителей семьи пострадавшего исполнять свой долг кровной мести, так и сдерживать человека от преступления, заставляя задуматься о последствиях для своей семьи, которая является для него главной ценностью, обусловленной так же кровным родством. Т.е. реализация данной правовой модели возможна лишь в условиях полноценной общинной, кровнородственной среды, являющейся естественной для традиционных этносов. Эта же среда формирует свою, отличную от светской, систему выдвижения элит.

Главной же особенностью здесь является то, что те элиты, которые формируются на базе клановой системы, являются для представителей традиционных этносов более естественными, обусловленными как древней традицией, так и сакральностью местных религиозных уложений. А из этого следует, что случае наложения светской и традиционной систем формирования элит, преимущество для традиционных этносов, а значит и первичное властное значение имеет элита традиционная, в то время, как власть элит светских, государственных — для таких обществ носит второстепенный, условный характер, а представители такой власти рассматриваются элемент формализации, и зачастую так же сквозь призму кровнородственных связей, т.к. все они являются чьими-то родственниками — выходцами из больших семей — кланов, являющихся, в свою очередь, составными частями больших клановых сообществ, например, тейпов, или тукхумов, если речь идёт о вайнахах или подобных им системах¹.

Выше мы уже говорили о том, что в наибольшей степени подобная система социального устройства сохранилась на Северном Кавказе, в частности, в Чечне, где кровно-родственные тейпово-тукхумные связи небыли разрушены даже в период самых злостных гонений на «пережитки» и изначальные устои со стороны светской власти. Существуют они и по сей день, причём стоит отметить, что когда речь заходит о реальной власти, то легитимность со стороны населения в Чечне тем выше, чем ближе власть к традиционным формам изначального устройства. И, как следствие, тем элита менее легитимна, чем более она светская, чем усерднее она разделяет формальные государственные правовые инструменты управления обществом.

¹ Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон. Евразия на распутье между Варварством и Цивилизацией // Международное «Евразийское движение», М.: 2002.

В качестве примера достаточно проанализировать период чеченской истории с момента распада СССР по сегодняшний день. Светская, ещё во многом советская власть Доку Завгаева была жёстко сметена, когда новый чеченский лидер Джохар Дудаев едва заговорил о необходимости восстановления чеченской традиции. При этом следует напомнить, что и ваххабитские «новшества», за исключением короткого периода увлечённости в самом начале, так же не прижились и уступили место изначальным чеченским традициям. Весьма слаба была власть Алу Алханова — светского генерала чеченца, ставшего президентом после весьма популярного из-за своей приверженности нормам традиционного ислама муфтия Чечни Ахмата Кадырова, ставшего президентом после завершения второй чеченской кампании и погибшего от рук боевиков. Современный этап развития Чечни так же обусловлен следованием нового чеченского лидера, сына покойного Ахмата Кадырова — Рамзана Кадырова. Его власть тем сильнее и легитимнее, чем больше он уделяет внимания чеченским традициям, и начинает проседать там, где он действует в угоду светским, официальным моделям современного российского государства. Остановимся поподробнее на этом периоде.

Момент, когда нынешнему чеченскому лидеру Рамзану Кадырову исполнилось 30 лет с ужасом и восхищением ждали многие. Именно эта возрастная планка открыла ему дорогу к легальному президентству, лидерство по закону, установленному под воздействием федеральной власти. С одной стороны, у Чечни на тот момент уже и так был президент, формальный лидер — Алу Алханов, управляемый светский человек, полностью подконтрольный федеральному центру, генерал, орденносец. Однако главным вопросом остаётся вопрос о том, была ли у него реальная власть?

С другой стороны, в Чечне был предводитель — Рамзан Кадыров — легитимный лидер своего народа, вождь для многотысячного отряда «кадыровцев» — вооружённых людей, являющихся компромиссом, неким переходным вариантом между сепаратистами в горах, убивающими федералов, и самими федералами. Была ли у него власть? Легальной, основанной на законной процедуре — на тот момент не было.

Был явный дисбаланс между реальной властью и влиянием Кадырова-младшего и его номинальным статусом. Тридцатилетие — та формальность, которая открыла Рамзану дорогу к президентству, и именно это вызывало тогда смешанные чувства: а как же лояльный и управляемый Алханов? А с другой стороны: а как же управлять вооружённым народом?

По общему мнению московских журналистов и экспертов, прибывших тогда на юбилей, Рамзан Кадыров пользуется бешеной популярностью, его поддерживает 90% населения. На балансе между номинальным президентом Алхановым и неформальным лидером Кадыровым Кремль долгое время сдерживал обоих. При этом Кадыров-младший всегда презрительно отзывался о политиках и чиновни-

ках: «Сам я хитрить так и не научился... Иначе я стану политиком, а не Рамзаном Кадыровым. А хитрить — у нас есть тысячи таких политиков. Я не хочу»¹. В этом высказывании кроется подлинное отношение традиционного народа к так называемой светской политике.

Тридцатилетие дало формальную возможность Кадырову претендовать на пост президента республики, однако, занимавший на тот момент пост премьера молодой Кадыров отметил юбилей неожиданным заявлением об отсутствии у него подобных амбиций. И это уже тогда стало неожиданностью для многих. Здесь следует напомнить, что именно Рамзан Кадыров первым, среди множества российских «президентов» выступил с инициативой отменить понятие «президент» применительно к руководителям субъектов Российской Федерации, что было поддержано в дальнейшем остальными.

Президентство Кадырова-младшего и проблемы недостаточного возраста были главной темой все предшествующие годы как в самой Чечне, так и среди российских политологов. Однако разгадка здесь настолько же проста, насколько и не всегда понятна светскому сознанию. Чеченцы — всё ещё традиционный народ, за что и страдали всегда, отстаивая своё право на традиционную этническую идентичность. Любой чеченец, даже ребенок, знает, что основа чеченского традиционного уклада — кровнородственная община, а система социального сдерживания — это древний закон коллективного возмездия «око за око», согласно которому за любое деяние отвечает не только тот, кто его совершил, но и весь его кровнородственный клан — вар, объединяющий родственников до седьмого колена. В этой правовой системе каждый, совершающий преступление, помнит о коллективной ответственности и знает, что если не найдут его самого — найдут его отца, брата, другого родственника и накажут вместо него. В отличие от римского права, почему-то ставшего сегодня единственно верным во всём мире, где будь ты хоть самым кровавым Бен Ладеном, взорвавшим и убившим тысячи людей, а всё равно больше пожизненного не получишь.

Здесь стоит вспомнить, что и русский царь, восходя на престол, давал клятву, относящую ответственность за его деяния на весь его род до седьмого колена². Коллективная ответственность являлась нормой у многих традиционных народов и племен как высшая норма социальной стабильности, в том числе и у русских, однако, сохранилась по сей день практически только у чеченцев. Или нохчи — как они сами себя называют. Вековые попытки сделать из нохчи светский народ, выжечь «огнём и мечём» их традиционные нормы подорвали систему кровно-родственных связей, а, следовательно, и коллективной ответственности.

1 Рамзану Кадырову подарили Ferrari и Триумфальную арку // «Комсомольская правда», 6 Октября 2006.

2 Повесть о Земском Соборе 1613 года // «Вопросы истории», № 5, 1985.

Теперь вооруженный чеченец сдерживается либо Уголовным кодексом — знаем мы, чего стоит Уголовный кодекс РФ в Чечне, его зачастую просто игнорируют перед необходимостью соблюдения обычного (основанного на древних обычаях) права — либо своим предводителем. В традиционной системе предводителем рода — вара — является старейшина. Предводителем образования из девяти родов — тейпа — является самый достойный, избранный на совете старейшин. Представителем девяти тейпов — тукхума — самый достойный, избранный на совете самых достойных предводителей тейпов¹. Такова модель традиционной чеченской демократии. Так выявляется предводитель традиционного народа.

То, что делает сегодня Рамзан Кадыров — это попытка продемонстрировать своему народу, что он представляет его интересы по праву, имея для этого способности, волю и понимание судьбы и традиций своего народа. Рамзан знает — нохчи никогда не принимали и не примут кого-то, навязанного извне, поэтому у «не своего» в Чечне нет шансов. Они всегда сражались и умирали за свой традиционный уклад. Поэтому у чужеродного понятия «президент» в Чечне тоже оказалась незавидная судьба.

Ну и самое главное — чеченцы никогда не откажутся от своего традиционного уклада, за который пролили столько крови и отдали столько жизней. Поэтому у любого «конституционного» светского порядка, навязанного извне, всегда будет противник — вооруженный чеченский народ. Кадыров все годы своего правления Чечнёй, движется сверху вниз, от формы к содержанию, от формализма к традиции, от номинального избрания ко всё более легитимной форме традиционной власти.

Рамзан не захотел быть просто номинальным президентом. Несмотря на своё избрание и «электоральную» поддержку, он по сути открыто заявил, что хочет быть *конахом* — лучшим из естественных лидеров своего народа, и он это доказывает делами. Следующий шаг — восстановление традиционной — тейпово-тукхумной модели, чему служат регулярные съезды народов Чечни, возврат к исконному названию — нохчи, восстановление советов старейшин и традиционного права, основанного на коллективной ответственности. Не сделав этих шагов, Рамзан не удержится. Не удержит вооруженный народ, который в противном случае вновь окажется в горах. Собственно, опираясь исключительно на светские модели, в Чечне у власти никто не удержится. Чечня не удержится в составе России, если не удержится естественный лидер. Рамзан понимает, чего стоит традиция. Традиция — наше решение. Без этого у России не будет Чечни. Как не будет Ингушетии, Дагестана, да и всех остальных этнических, традиционных образований Северного Кавказа, без которого не будет и самой России.

1 Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон. Евразия на распутье между Варварством и Цивилизацией // Международное «Евразийское движение», М.: 2002.

Естественный лидер народа нохчи и тейпово-тукхумная система демократии

В своё время, после завершения второй военной кампании в Чечне, тогдашний президент республики Ахмад-Хаджи Кадыров говорил о неминуемом «вызове мирного времени», подразумевая, что завершение горячей фазы конфликта ещё не означает наступления мира, а является лишь началом к мирному развитию общества. Чем ответить на прекращение войны, какие модели устройства общества предложить? — в этом и заключается вызов. Неверный ответ на него легко может столкнуть Северный Кавказ в новую бойню, возможно внутреннюю, ещё более страшную. Чеченский этнос является по сути одним из немногих в России, сохранивших свои обычаи в первозданном виде. Конечно, годы советского атеизма наложили свой отпечаток, и многие чеченцы считают себя светскими «современными» людьми, оторвавшись от корней и перемешавшись в атомизированных обществах больших городов. Однако большинство чеченцев всё же продолжают хранить наследие предков.

Значительным фактором, всегда толкавшим Чечню к конфликту с Центром, было желание жить в соответствии со своей традицией, со своими законами, которые складывались столетиями. Эта тенденция наблюдалась и в советское время. Ещё в 1939 году Чечню бомбила авиация¹, чтобы в очередной раз загнать её, тогда уже в формат советского государства и выровнять под «общую гребенку». Что произошло в 1990-х? Чеченцам, традиционному этносу, который столетиями боролся за свою идентичность, предложили принять Конституцию Российской Федерации. Подобные попытки навязать нохчи светский усреднённый образ жизни по каким-то непонятным законам всегда толкали его на конфликт.

Безусловно, когда всё уже горело, когда шла война, нужно было какими-то пожарными методами этот конфликт погасить, хоть как-то стабилизировать раздираемое внутренними противоречиями общество. В результате были введены общепринятые в современном мире модели социального устройства — парламент, президент, конституция. Однако чеченцы всё ещё остаются традиционным этносом, а все эти модели, по большому счёту, являются продуктами десакрализованного, выродившегося Запада, бездуховного и аморального, зашедшего, по мнению многих философов, мыслителей и интеллектуалов в концептуальный цивилизационный тупик².

Сейчас конфликт погашен, и мы видим, что история выдвинула на первый план реального лидера послевоенной Чечни, вынужденно выстроенной по свет-

1 Тридцатилетний капитан // «Время новостей», 08.11.2006.

2 См. например Шпенглер О. Закат Европы // Издательство «Феникс», Р.-на-Д. 1998.

ским лекалам, — это Рамзан Кадыров, который по сути является естественным, а не директивно назначенным «сверху», предводителем своего народа. До того момента, как Рамзану Кадырову исполнилось тридцать лет и он по Конституции приобрёл право выдвигаться в президенты, мы наблюдали интересную ситуацию: всё это время он не осуществляет никаких формальных действий для своего продвижения на высший пост. Напротив, всеми своими действиями он демонстрировал, что не хочет быть *формальным лидером*, а желает быть лидером реальным, естественным, и эти устремления он так же, как его отец Ахмад-хаджи Кадыров, не уставал доказывать своими делами.

Чеченское общество построено по тейповому принципу. Каждый чеченец знает, к какому *тейпу* он принадлежит. Тейповая система сохраняется столетиями, она пронесена сквозь советский период полного выжигания всякой традиции и сохранилась по сей день, пережив две войны в новейшей истории. Это как раз та модель, которая и является ответом на вызов мирного времени, о котором говорил Ахмад-хаджи Кадыров.

И вот именно на основе этой модели, на которую веками и опирались традиционные чеченские элиты, нохчи и сохраняли социальный баланс и социальную стабильность. В Чечне, где всегда существовал фактор коллективной ответственности, который сдерживал от совершения преступлений, и фактор, естественно, лидерства, который упорядочивал социальное устройство, реальную власть имеет только тот, кто реально опирается на эти базовые основы чеченского общества. И только такую элиту можно считать реальной, полноценной на традиционалистском Северном Кавказе. Сама элитная структура традиционного этноса испокон веков складывалась так: глава вара — чеченского клана, участвовал в съезде своего тейпа, на котором выдвигался лучший на роль лидера тейпа. Далее, на съезде лидеров тейпов избирался глава тукхума, а из глав тукхумов избирался лидер народа, самый авторитетный и уважаемый человек, с которым советовались главы всех тейпов по самым важным и судьбоносным вопросам. Именно советовались, ибо он не правил в привычном для нас понимании, но влиял на принятие решений. Данная традиционная модель власти, к слову сказать, стала прототипом системы советов, установленной в качестве системы элитного управления Советским государством — СССР, и распространённой на все страны социалистического лагеря. Глава Верховного Совета СССР тоже формально не правил, но лишь модерировал работу главного органа власти, коим и являлся Верховный Совет. Собственно, нарушение этого принципа в сторону увеличения властных полномочий «лучшего из лучших» в сторону *управления* и разбалансировало систему советов, приведя её к банальной автократии и разрыву между смыслом, изначальной идеей и реальностью.

Рамзан Кадыров, по всем признакам, стремится быть именно таким лидером, *конахом*, лучшим из лучших своего народа, а не продавленным из Москвы формальным главой субъекта федерации, навязанным посредством процедуры президентских выборов, не имеющей для традиционных чеченцев никакого реального значения. Как правильно однажды заметил советник президента России Асламбек Ахмедович Аслаханов, из тысячи чеченцев — тысяча считает себя лидерами. В Чечне единоличное правление никогда не принималось и всегда заканчивалось насильственным смещением. Чеченцы — это народ, который представлен своими общинами, это традиция коллективного правления. К этому и должен в итоге прийти и Рамзан Кадыров, пройдя через вынужденное светское замирение, начатое его покойным отцом, через возрождение подлинной чеченской традиции и, в конечном итоге, придя к восстановлению тейпово-гукхумной системы — подлинной, традиционной чеченской демократии, дающей народу мир и внутреннюю гармонию, а также естественного, всеми признаваемого и уважаемого лидера. И как знать, может быть, этот опыт станет, в конце концов, положительным примером и для остальных народов России, поводом вспомнить и возродить свои традиции, как это делают чеченцы, древний народ нохчи.

Одно пространство — две системы: права народов как база для снятия российско-чеченской напряженности

Северный Кавказ является особым пространством России, на котором, несмотря на десятилетия атеизма и искусственно привнесённой светскости, всё же в значительной степени сохранились очаги традиции в своём изначальном, практически нетронутым состоянии, содержащие традиционные этнические архетипы. И именно желание сохранить свою традицию, жить по своим исконным законам, всегда двигало народы Северного Кавказа по пути сопротивления общероссийской унификации и приведения к формату гражданского общества по общему шаблону. Несомненно, это стремление многие годы использовалось геополитическими врагами России для борьбы с её государственностью, и здесь те же чеченцы и их стремление к восстановлению собственной идентичности использовались «в темную». Однако и с той, и с другой стороны всегда стояла когорта политиков, которые уж точно знали, чего хотят и для чего разыгрывают эту кровавую драму. Такой политический цинизм годами можно было наблюдать как с российской, так и с чеченской стороны, не говоря уже о Западе. Но век политика недолог, а вот взаимная обида наших народов, переплетение судеб, вражда и горе будут утихать ещё довольно значительное время.

Именно судьба народов, веками живших бок о бок на пространстве Северного Кавказа и должна, в первую очередь, становиться объектом наиболее пристального внимания для снятия глубинных противоречий, остающихся по сей день, и, к сожалению, становящихся вновь и вновь причиной взаимного недоверия и конфликтов русских и представителей традиционных этносов. Поэтому для разрешения противоречий, ставших последствиями двух последних войн в Чечне, необходимо исходить из того, что именно интересы наших народов являются первоочередной ценностью. А следовательно, основными субъектами любых договоров и отношений, призванных снять противоречия, должны являться не политики и не государственные чиновники (а в Чечне, по большому счету, и нет ни полноценной государственной, ни политической системы), а народы Чечни и России. Как это происходило несколько столетий назад между русскими — терскими казаками — и чеченцами, так это должно происходить и сейчас.

Между народами, живущими по соседству на одной земле, нет и не должно быть противоречий, так как их появление всегда используется общим врагом — Западом. Противоречия возникают тогда, когда в эти взаимоотношения вмешиваются политические, экономические, корпоративные и тому подобные интересы различных групп, политиков и сторонних государств. В связи с этим, любая создаваемая структура для урегулирования российско-чеченских отношений должна представлять собой не политическую организацию, а скорее общественную, основывающуюся на общих интересах. Общей и для чеченцев, и для русских, и для других народов Евразии является угроза однополярной глобализации, выраженная в стирании, унификации, уничтожении национальных, культурных и религиозных особенностей всех самобытных евразийских народов. Вот от логики общего врага и нужно переходить к логике общих интересов, и уже на этой платформе строить мир между русским народом и традиционными этносами России.

Исходя из первоочередности интересов наших народов перед всеми остальными интересами, за основу наших отношений логично брать евразийскую теорию *прав народов*,¹ согласно которой всякий народ имеет право на культурную суверенность, на сохранение своей национальной и духовной идентичности, своей веры, своего языка. От этого мы, русские, никогда не отказывались и не откажемся. Свой язык, культуру, свою веру мы будем отстаивать, что бы ни происходило.

Но вот по этой же причине нелепо требовать от традиционных этносов Северного Кавказа, чтобы они отказались от своего традиционного образа жизни, от своей родоплеменной системы, по которой жили их предки, от своих обычаев и веры. Насажение чуждых для этих этносов законов формирования элиты и образа жизни нарушает права этих этносов. То же самое сегодня осуществляют силы однополярного глобализма, насаждая повсюду, зачастую с помощью ору-

1 Шмитт К. Номос Земли в праве народов, СПб 2008: Georg H.J. Erler. Missverstehen, Misstrauen und Misserfolg im Genfer Minderheitenschutzsystem//Zeitschrift für Volkerrecht. Bd XXII. 1938. S.5.

жия, свои ценности и образ жизни. Такая однополярная глобализация, в этой связи, заслуживает лишь осуждения: народу, сохранившемуся в истории, негоже следовать этой негативной тенденции, ломая свой традиционный образ жизни. Если чеченцам насаждаются какие-то *иные* законы, которые они не воспринимают, они получают моральное право сражаться за то, чтобы жить так, как жили их предки. Так же, как и русские веками сражались за возможность жить по законам и обычаям своих предков.

Для русских справедливо исходить из того, что нужно признавать право чеченского народа, наравне с правом русского или любых других народов и этносов России на своё самоопределение, но не в качестве суверенного *государства-нации* европейского образца, а как традиционного этноса. Россия же взамен в праве ожидать от чеченцев встречных уступок, поэтому, в свою очередь, чеченцы должны учитывать интересы России, которые заключаются в том, что большое пространство России-Евразии должно быть сохранено. Целостность России, её большого пространства, — есть незыблемая ценность, оплаченная миллионами жизней. И учитывая это, чеченцы, как и другие традиционные народы и этносы, должны отказаться от идеи о построении суверенного чеченского или любого другого национального государства, а также от требований признать это государство субъектом международного правового поля. Одно это стремление ставит под угрозу стратегическую целостность Большой России, создаёт на Кавказе плацдарм антироссийских сил. В этом отношении существует знаковое высказывание Владимира Путина: «Не важен статус Чечни, важно, чтобы она не была плацдармом для антироссийских сил». Вот в таком признании взаимных интересов традиционных народов и заключаются нормальные отношения русского народа с традиционными этносами. Формула мира, таким образом, подходящая для решения любых, и, в частности, российско-чеченских противоречий должна звучать так: «одно пространство — две системы». То есть мы должны признать ту общественную систему, которую отстаивает чеченский народ, а они, в свою очередь, должны признать неделимость единого пространства России-Евразии.

Если мы хотим интегрировать Чечню в ценностное пространство России, то мы должны признать существующую ныне неоднородность чеченского народа, при которой северную равнинную Чечню населяет более или менее светское, урбанизованное население, ориентированное на Россию, и управляемое светской властью, а южную, горную Чечню, населяет народ, в своей основной массе придерживающийся традиций своих первых отцов, отстаивающий свою веру и обычаи и принимающий в качестве законной лишь традиционную, тейпово-тукхумную элиту. Эти горные чеченцы и составляли всегда основу отрядов сопротивления, «именем Аллаха» ведущих ожесточён-

ные бои с федеральными силами, отстаивая свои ценности, свой традиционный образ жизни.

Естественно, что и подходы к этим двум различным сегментам чеченского общества должны быть разными. Для двух типов чеченского общества должна быть предусмотрена возможность интеграции разных скоростей. Северная часть, светская, интегрируется с Россией-Евразией, естественно, быстрее, и там стоит продолжать линию, которая реализуется сейчас. И, соответственно, особый подход должен быть применен к южной, горной части Чечни. Там нужно пойти на предоставление некой автономии, на создание своего рода национально-теократического образования, дающего право этим горным чеченцам жить по своим традиционным законам.

Если чеченцы южной, горной Чечни, настаивают на том, что они должны сохранить свой вековой национальный уклад, который был им присущ на протяжении многих веков, и продолжают отстаивать это своё право с оружием в руках, то почему бы нам с этим не согласиться, если это не будет противоречить целостности России? Ведь и остальным этносам *полиэтничной* России тоже неплохо было бы восстановить свой вековой традиционный уклад. Исходя из этого, внутричеченскую проблему предлагается решать по формуле «один народ — две системы».

Естественно, что контакты в этом случае должны быть налажены между представителями легитимной элиты - духовными лидерами народов России и Чечни, ведь высшим органом власти у чеченцев является совет старейшин, который разрешает любые вопросы именем Аллаха и опираясь на адаты — чеченские традиционные законы. Старейшины и духовные лидеры являются неоспоримыми авторитетами для чеченского народа, Священное Писание, в этом случае, — есть основной и единственный закон. Если мы хотим говорить на одном языке, понятном и чеченцам и русским, на языке общего пространства и общей судьбы, а не на языке пушек и автоматов, мы должны признать это, принять за основу наши Священные Писания — Библию и Коран, и, основываясь на общих для нас всех принципах, вместе идти к миру и согласию, с опорой на традиционные, легитимные элиты. Ибо у нас общая история и общая судьба.

Миграционные процессы на Северном Кавказе: межнациональный аспект

Антон Аверьянов

Трудовая и этническая миграция играет ключевую роль в этносоциальных и демографических изменениях современной России. Северокавказский регион демонстрирует наиболее высокие показатели динамики миграционных процессов. Деиндустриализация и кризис в агропромышленном комплексе в 1990-е гг. наиболее сильно ударили по республикам Северного Кавказа. Это привело к деградации социальной сферы и общему падению уровня доходов и качества жизни. Ситуация усугубляется вследствие избытка трудоспособного населения, что побуждает значительную часть его жителей искать средства к существованию за пределами первоначального места проживания. В свою очередь массовая трудовая миграция в сопредельные регионы зачастую сопровождается увеличением степени межэтнической напряжённости в регионах-реципиентах и переводит экономическую проблему в межнациональную плоскость.

Проблема трудовой и этнической миграции существовала и в советский период, однако в то время она была объектом государственной политики и протекала в более или менее контролируемом русле. В 1990-е годы миграционные процессы на Северном Кавказе приобрели неконтролируемый и стихийный характер. Обострение и перерастание в фазу вооружённых столкновений ряда этнополитических конфликтов привели к росту количества вынужденных переселенцев и повышению интенсивности перемещений населения внутри региона и выезда за его пределы. Так, осетино-ингушский конфликт в октябре 1992 г. породил проблему ингушских беженцев, в массовом порядке покинувших территорию своего компактного проживания в Пригородном районе республики Северная Осетия-Алания. Ключевым фактором нестабильности стали военные действия в Чеченской республике, приведшие к появлению сотен тысяч беженцев и вынужденных мигрантов. Массовый отток русского и русскоязычного населения из ряда северокавказских республик, прежде всего, Чечни и Ингушетии, и Закавказья увеличил миграционную нагрузку на сопредельные регионы, в первую очередь Ставропольский край, а также Краснодарский край и Ростовскую область.

В 2000-е гг. общественно-политическая ситуация в регионе заметно улучшилась, однако общая социально-экономическая неустроенность по-прежнему делает проблему массовой миграции актуальной для Северокавказского региона. За последнее десятилетие массовый отток населения продолжился практически из всех северокавказских республик, что обусловлено их экономической и социальной депрессивностью, а также общественно-политической нестабильностью.

На современном этапе можно выделить целый комплекс миграционных потоков и направлений: внутреннюю миграцию в рамках СКФО, межрегиональную миграцию (за пределы СКФО), международную миграцию - приток мигрантов из стран Ближнего зарубежья и выезд населения Северокавказского региона за рубеж.

Внутрирегиональная миграция в рамках СКФО характеризуется неравномерностью миграционных потоков и наличием регионов доноров и реципиентов. К первым относятся северокавказские национальные республики, для которых характерен отрицательный коэффициент миграции, ко вторым - Ставропольский край, который аккумулирует в себя миграционные потоки ещё с момента распада Советского Союза. Республиками с наиболее высокими отрицательными показателями миграционного прироста являются Северная Осетия–Алания, Карачаево-Черкесия, Дагестан и Кабардино-Балкария.

Коэффициенты миграционного прироста по субъектам СКФО (на 1 тыс. чел) [1,с.487]

СКФО	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Республика Дагестан	100	-52	86	-23	-27	-3	-36	-30
Республика Ингушетия	-31	513	2523	9	3	4	19	18
Кабардино-Балкарская республика	125	130	83	-32	-37	-33	-33	-26
Карачаево-Черкесская республика	47	31	21	-71	-67	-64	-43	-39
Республика Северная Осетия — Алания	14	94	175	-18	-15	-11	-38	-42
Чеченская республика	477	-169	-1170	-12	-10	-13	-8	-2
Ставропольский край	139	129	46	15	7	35	20	25

Значительную долю в миграционных процессах в регионе играют массовые перемещения населения на уровне национальных республик. В начале 2000-х гг. фиксировался массовый отток чеченского населения главным образом в Ингушетию в связи с возобновлением боевых действий в Чеченской республике. После завершения активной фазы боевых действий наблюдался процесс возвращения чеченского населения. С 2006 г. по итогам взаимной договорённости между руководством республик Ингушетия и Северная Осетия–Алания при посредничестве Москвы начался процесс возвращения ингушских беженцев в Пригородный район РСО-А. Однако он тормозится из-за наличия целого ряда проблем: сохраняющегося напряжения и взаимного недоверия между осетинами и ингушами, отсутствия точных данных о количестве беженцев и как следствие имеющих право

возвратиться в Пригородный район, утери документов на жильё. Данные обстоятельства способствуют сохранению конфликтного потенциала в Северной Осетии и Ингушетии.

Своеобразным центром притяжения мигрантов в рамках СКФО продолжает оставаться Ставропольский край, хотя в 2000-е гг. миграционный поток в этом направлении заметно снизился. Если в 1990-х гг. подавляющую массу переселенцев в Ставропольский край составляло русское и русскоязычное население из Закавказья и республик Северного Кавказа, то в 2000-х гг. в этнической структуре миграционных потоков усилилось представительство северокавказских народностей. За последние двадцать лет доля северокавказских этносов в национальной структуре Ставропольского края увеличилась на 5%, а кавказских народов в целом (в том числе, армян, азербайджанцев и др.) на 7% [2,3,4]. Основную нагрузку притока мигрантов приняли на себя приграничные с северокавказскими республиками районы, в первую очередь Кировский, Курский, Нефтекумский, Левокумский, Степновский, Туркменский. За последние двадцать лет в этих районах произошло значительное изменение этнического баланса в сторону увеличения представителей кавказских народностей, прежде всего даргинцев, ногайцев, чеченцев. В Регионе Кавказских Минеральных Вод усилилось представительство армянской, карачаевской, кабардинской диаспор.

При отсутствии внятной государственной политики в области межнациональных отношений в ближайшей перспективе Ставропольский край может стать очередной зоной нестабильности на Юге России. В некоторых районах Ставрополья межэтнические противоречия, зачастую выливающиеся в столкновения, уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни края. Это вынуждает русское население мигрировать в сопредельные регионы. Общая доля русских в национальной структуре Ставропольского края снизилась за двадцать лет на 4% и достигла в 2010 г. 80,1%. В некоторых районах русские составляют уже менее половины населения. Так в наиболее депрессивном Нефтекумском районе в сельской местности (т.е. без учёта численности г. Нефтекумск) русские составляют 37,6%, ногайцы — 26,7%, даргинцы — 12,9% [5].

Для республик Северного Кавказа по-прежнему актуальной остаётся проблема миграции по линии село-город вследствие кризисного состояния сельского хозяйства и роста сельского населения. Несмотря на то, что статистика фиксирует падение удельного веса горожан в структуре населения северокавказских республик за последнее двадцатилетие, процесс переселения жителей высокогорья в города был и остаётся достаточно активными. Падение удельного веса горожан в республиках Северного Кавказа объясняется массовым оттоком русского и русскоязычного населения, которое было сосредоточено в основном в городских центрах. Так, в Махачкале за период с 1989 по 2002 гг. процент русских снизился с 21,9 % до 9,1%, то есть более чем в два раза; в Кизляре с 62% до 49,2%; в Гроз-

ном с 52,9% до 1,3%, то есть завершился полным исходом русского населения; во Владикавказе с 35,6% до 27,2%; в Нальчике с 41,4% до 29,4%, в Черкесске с 67,8% до 55,5% [6, с.133-134].

Убывающее русское городское население активно замещалось представителями северокавказских народов, прежде всего, жителями горных районов. Данный процесс наметился ещё в советский период. В 1990-е гг. он получил новый импульс. Социально-экономическая депрессивность и трудоизбыточность сельских районов северокавказских республик способствовали оттоку «горского» населения на равнину, прежде всего в города. В результате удельный вес горожан среди представителей титульных этносов заметно увеличился. Особенно заметным он был у вайнахских народов — ингушей и чеченцев, доля горожан среди которых за период с 1989 по 2002 гг. увеличилась с 35% до 44,6% и 25% до 34,5% соответственно. У дагестанских народностей также наблюдалось увеличение процента горожан, особенно среди «горских» народов — аварцев (с 30,8 до 35%), даргинцев (с 31,5 до 34,9%), лакцев (с 62,3 до 66,1%), табасаранцев (с 33% до 36%). У равнинных, достаточно урбанизированных народов Дагестана удельный вес горожан практически не изменился (например, у кумыков он остался прежним — около 47%). Активная миграция жителей сельских районов в города зачастую приводит к обострению конфликтов между переселенцами и старожильческим населением, в том числе внутри одного этноса.

В Северо-Западном и Центральном субрегионах Кавказа динамика изменений доли городского и сельского населения среди титульного населения происходила неравномерно. Так, наименее урбанизированные карачаевцы долю городского населения увеличили с 30 до 34,9%. У кабардинцев прирост городского населения был ниже — с 43,1 до 45,7%, у наиболее урбанизированных осетин — с 59,4 до 62,9%. Наблюдались за этот период и обратные процессы — отток горожан в сёла. Так, доля горожан у балкарцев снизилась с 58,7 до 46,8% [6, с.143].

В Ставропольском крае, в отличие от северокавказских республик, доля горожан в структуре населения несколько выросла, что объясняется оттоком населения (главным образом - русских) из сельских регионов в города.

Таким образом, для северокавказского региона основная доля миграции приходится на внутренние перемещения в рамках СКФО. Это подтверждают данные РОССТАТА, фиксируя также, что вторым и третьим по привлекательности межрегиональных миграций регионами являются Южный и Центральный федеральные округа.

Внутрироссийская миграция (СКФО) по территориям прибытия и выбытия [7,с.104-110]

	Регион выбытия (СКФО)	Количество выбывших в тыс. (100%)	Регион прибытия– количество прибывших в тыс. (%)	Регион прибытия– количество прибывших (%)	Регион прибытия– количество прибывших (%)	Регион прибытия– количество прибывших (%)
			СКФО	ЮФО	ЦФО	Другие
1	2001	124 214	79 930 (64,3%)	13 841 (11,4%)	12 556 (10,1)	17887 (14,4)
2	2005	119 298	80 496 (67,5%)	11 760 (9,8%)	12 451 (10,4%)	14 591 (12,2%)
3	2006	123 541	82 836 (67,05%)	11 485 (9,3%)	12 830 (10,4%)	16 390 (13,3%)
4	2007	151 895	108 627 (71,5%)	12 311 (8,1%)	13 106 (8,6%)	17 851 (11,7%)
5	2008	135 708	91 054 (67,1%)	12 058 (8,9%)	13 904 (10,2%)	18 692 (13,8%)
6	2009	125 939	86 121 (68,4%)	10 703 (8,5%)	12 712 (10,1%)	16 403 (13%)
7	2010	136 591	90 224 (66%)	12007 (8,8%)	16 211 (11,9%)	18 149 (13,3%)

Миграция за пределы СКФО носит в основном социально-экономический характер и продиктована стремлением занять определённую нишу в хозяйственном, главным образом сельскохозяйственном и коммерческом, секторе того или иного региона. Так, наиболее предрасположенные к миграциям даргинцы активно осваивают территории некоторых субъектов ЮФО, прежде всего, Ростовской области, Калмыкии, Астраханской области. За период с 2002 по 2010 гг. по официальной статистике даргинская диаспора в Ростовской области выросла с 6,7 тыс. до 8,3 тыс., в Калмыкии с 7,3 тыс. до 7,6 тыс. (третий этнос в республике после калмыков и русских), в Астраханской области с 3,5 тыс. до 4,2 тыс. человек. Чеченцы также представлены в Ростовской области (Ремонтненский, Зимовниковский и другие восточные районы), Волгоградской, Астраханской области, Калмыкии, хотя за период с 2002 по 2010 гг. численность их диаспор согласно официальной статистике несколько снизилась [8,9].

Широко представлены практически все северокавказские диаспоры в Центральном федеральном округе, прежде всего в Москве, что объясняется столичным статусом региона и его близостью к финансовым, хозяйственным и транзитным потокам. За последний период наблюдается рост числа инцидентов с участием выходцев с Северного Кавказа в различных регионах России, что свидетельствует о необходимости выработки системных мер по предотвращению и профилактики межнациональных конфликтов.

Динамика международной миграции в СКФО на порядок ниже внутривосточной. Она обусловлена, прежде всего, наличием небольших диаспор северокавказских народов в странах СНГ, а также разделением некоторых народов государственными границами после распада СССР. Так, основная доля выбывших и прибывших мигрантов по Чеченской республике и Ингушетии приходится на

Казахстан, где проживает ингушская и чеченская диаспоры, сохранившиеся там после репатриации депортированного в 1944 г. чеченского и ингушского народов. В Дагестане наиболее активны в процессах международных миграций лезгин и азербайджанцы. Значительная часть лезгин проживает в Азербайджане, что является ключевым фактором двусторонней миграции этого южнодагестанского этноса; азербайджанцы, являясь, одним из титульных народов Дагестана, тесно поддерживают связи с исторической родиной [1, с.448,454].

В 2000-е гг. на Северный Кавказ усилился приток трудовых мигрантов из стран Ближнего Зарубежья (Узбекистан, Таджикистан и др.), что связано со строительным бумом в Чеченской республике, а также ряде других национальных республиках СКФО. В ближайшей перспективе — возведение туристических объектов в рамках создания туристического кластера на Северном Кавказе. Это может повлечь массовый приток в регион значительного числа трудовых мигрантов из-за рубежа, которые составят серьёзную конкуренцию местным жителям, страдающим от безработицы. Высоки, в этой связи, риски появления новых очагов межнациональной напряжённости.

Особую актуальность за последнее десятилетие приобрела проблема активизация сравнительно новых для Северокавказского региона этнических групп, в частности миграция в СКФО турок-месхетинцев, традиционно занятых в сельском хозяйстве. Они значительно усилили своё представительство в ряде республик, прежде всего, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Адыгее. По официальным данным только в КБР за период с 1989 по 2010 г. численность турок-месхетинцев выросла с 4,2 тыс. до 14 тыс. человек, обеспечив им четвёртое место в национальной структуре республики после кабардинцев, русских и балкарцев [4,10]. Наибольшую активность турки-месхетинцы демонстрируют в Прохладненском и Майском районах республики, где традиционно проживает значительная часть русского и казачьего населения КБР. В связи с высокой конкуренцией в сфере сельскохозяйственного производства и торговли и постепенном вытеснении из этих сегментов местной экономики приезжими старожильческого населения, в регионе в ближайшей перспективе может возникнуть ещё один очаг межнациональной напряжённости.

Таким образом, миграционная динамика на Северном Кавказе в полной мере отражает весь спектр политических и социально-экономических противоречий не только в регионе, но во всей стране. Одним из важнейших аспектов миграционных процессов выступает проблема интеграции мигрантов в культурное и правовое поле регионов-реципиентов. Именно данная проблема приобретает особую значимость на современном этапе и останется актуальной в ближайшей и среднесрочной перспективе. Для решения данной задачи необходимо задействовать весь потенциал государственного аппарата и гражданского общества.

Только в этом случае процесс складывания единой гражданской идентичности в России может получить реальное ускорение.

Примечания

- 1) Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Госкомстат России.- М., 2010
- 2) Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. Численность отдельных национальностей населения городов и районов Ставропольского края по данным переписи населения 1989 года // http://www.stavstat.ru/perepis/vpn2002/nsn/Naz_1989.zip
- 3) Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Ставропольский край // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=39
- 4) Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
- 5) Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряжённости, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе: Спец. Выпуск / Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев, И.В. Пашенко. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010
- 6) Суций С.Я. Демография и расселение народов Северного Кавказа: реалии и перспективы (модернизационно-трансформационные процессы). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
- 7) Российский статистический ежегодник. 2011: Стат.сб./Росстат. — М., 2011.
- 8) Национальный состав населения Российской Федерации // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
- 9) Национальный состав населения по субъектам РФ // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls
- 10) Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Кабардино-Балкарская республика // http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=33

Кавказский фактор в мировой геополитике (стратегическое значение, гуманитарные аспекты, потенциал культурно-социальных сетей)

Леонид Савин

Кавказ с точки зрения геополитики представляет собой уникальное явление. Географически размещаясь между Черным, Азовским и Каспийским морями, он состоит из гор и прилегающих к ним областей, которые относят к Северному и Южному Кавказу. Кавказ населен сотнями народов со своими диалектами и наречиями, конгломератом культур и традиций. Северный Кавказ полностью входит в состав Российской Федерации. Южный Кавказ занимают государства, половина которых согласно оценкам экспертов имеют проблемный суверенитет (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). Южные границы Кавказа соприкасаются с Турцией и Ираном, которые имеют свои интересы в этом регионе.

В геостратегическом значении Кавказ является связующим узлом между Ближним Востоком и европейской частью России, через который проходят потоки энергоресурсов, важнейшие магистрали и социальные сети. Это своего рода узел между Европой, Азией и Африкой... С недавнего времени Северный Кавказ приобрел статус особого значения, так как в Сочи в 2014 г. будут проходить зимние Олимпийские игры. Из-за своего комплексного характера один из апологетов мондиализма Збигнев Бжезинский назвал Кавказ евразийскими Балканами, подразумевая возможность межрелигиозных и межэтнических конфликтов и исторический прецедент с Югославией¹. Тем не менее, на мой взгляд, можно провести ревизионизм некоторых классических положений геополитики и прийти к интересным выводам. Хэлфорд Макиндер, а за ним и представители англосаксонской школы геополитики говорили, что в России-Евразии находится Хартленд, т.е. сердцевиная земля, и географически они ее относили к району Урала и Сибири². На одном из семинаров в МГУ под руководством профессора Дугина, рассматривая концепцию Анри Лефевра о ритманализе³, я предложил рассматривать именно Северный Кавказ с точки зрения Хартленда для России, т.к. по своим параметрам он ему вполне соответствует - это интенсивность политических ритмов в республиках, связей, демография, конгломерат культур, особый ландшафт, который затрудняет захват территории и т.д.

1 Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2002. С. 149.

2 Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-Центр, 2000.

3 Савин Л.В. Ритманализ структуры СНГ// Левиафан. Материалы семинаров по проблемам геополитики и многополярности. Выпуск 2. М.: Евразийское движение, 2011. С. 69-74.

Макиндер в своей работе «Географическая ось истории»¹ говорил об угрозах для европейцев, имея ввиду передвижения гуннов и монголо-татар, однако он забыл о покорении Европы и других регионов скифами, сарматами, аланами и аварцами.

Можно применить к Кавказу и современные модели и теории, например, возьмем концепцию турецкого министра иностранных дел Ахмета Давутоглу о стратегической глубине². Он позиционирует Турцию как важного актора международных отношений на евразийском пространстве, продельвая незамысловатую операцию - очертив круг вокруг современного турецкого государства радиусом три тысячи километров, Давутоглу показывает, что в эту зону попадают многие государства, исторически важные коммуникации и основные залежи мировых энергоресурсов. Но давайте продедаем ту же операцию с Северным Кавказом и картина будет идентичной, но потенциал и возможности более мощными, т.к. у нас имеется выход и к Каспию, и к Черному морю, с энергоресурсами, в отличие от Турции, нет никаких проблем, а единая государственная территория вместе с проектом Таможенного союза в экономическом плане также создают непрерывный и более благоприятный товарный цикл, чем в случае с Турцией.

Подобная центральность Кавказа во многом и является причиной попыток управления им извне. В этом плане случай с Югославией весьма показателен. Если бы страна осталась целой, она бы могла составить сильную конкуренцию в будущем ЕС, либо в качестве его альтернативы, став своего рода центром, как для Западной, так и для Восточной Европы, поэтому версия о заблаговременном устранении такого геополитического игрока также имеет право на существование.

Кроме того, важно замечать и экспансионистские аспекты интеллектуального политического дискурса. Как отмечал Эдвард Саид, западное сообщество (он имел в виду конкретно британское), выработало определенную схему навязывания не только ценностей, но и географических образов³. Вначале этот образ воображался, продумывался, а затем проецировался на определенное пространство. Проще всего это выражается в одной фразе лорда Бальфура, которую он произнес во время заседания Палаты общин по вопросу британского присутствия в Египте. Он сказал, что некоторые народы могут управлять собой, а некоторые, несмотря на их высокую культуру и всевозможные достижения - не могут. Поэтому им нужно помочь в вопросах управления. Естественно,

1 Mackinder J.Halford. The Geographical Pivot of History, Geographical Journal, London, 1904.

2 La profundita strategica turca nel pensiero di Ahmet Davutoglu. Pergine Valsugana, Centro Studi "Vox Populi", 2011.

3 Савин Л.В. От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США. М.: Евразийское движение, 2012. С. 12.

мализовано в набор математических техник, объединенных теорией графов¹. Этот режим анализа сводит сети к двум простым элементам, связям и узлам. Сети определяются как набор взаимосвязей между узлами. В действительности из-за своей простоты и абстрактности этот аналитический инструмент является очень гибким и мощным, и он может служить в качестве оценки многих процессов в регионе, от действий банд формирований и возникновения потенциальных очагов экстремизма до масс-медийной пропаганды и различных инструментов *soft power*, которые применяют внешние силы.

Нужно отметить, что первоначально исследования о политике сетей появились в 1950 г., и они были связаны с взаимодействием заинтересованных групп с правительством. Это были относительно небольшие и стабильные группы корпоративных акторов, которые регулярно взаимодействовали с властями по вопросу каких-либо правил и законов в специфическом секторе. Такие устоявшиеся и институционализированные связи между этими акторами привели к тому, что их стали называть “субправительствами” или “железными треугольниками”², действующими в тени иерархии. Позже это привело к формированию транснациональных правозащитных сетей. Естественно, что прочные скрепы с правительством, речь в первую очередь идет о США, создали ситуацию, когда интересы этих двух групп стали взаимосвязанными. Не случайно в одном исследовании, выпущенном Jamestown Foundation из Вашингтона, говорится, что эта организация представляет собой международную сеть, в которую входят разведчики, военные, ученые, журналисты, а также высокопоставленные чиновники и политики из различных стран от Сибири до Черного моря³. Т.е. не отрицается, и даже утверждается целенаправленная работа, которая в законодательстве практически всех стран классифицируется как угроза национальной безопасности. При этом нужно отметить, что основным видом деятельности этого фонда являются исследования, связанные с Евразией и терроризмом⁴.

Для понимания работы сетей необходимо обратиться к признанным специалистам в области сетевых конфликтов - Дж. Аркилле и Д. Ронфельдту. В одной из своих работ, посвященных концепции сетевых вооруженных сил США они говорят, что в первую очередь, важны не сети, а строительство сетей, т.е. формирование структур с заранее заданными параметрами - организационными,

1 Milton L. Mueller. *Networks and States: The Global Politics of Internet Governance*. The MIT Press, 2010. P. 35

2 Bernstein H. Marvin. *Regulating Business By Independent Commission*, Princeton University Press, Princeton, 1955.

3 McGregor Andrew. *Arming for Asymmetric Warfare. Turkey's Arms Industry in the 21st Century*, Washington, The Jamestown Foundation, 2008.

4 Необходимо отметить, что этот фонд издает ежедневную газету Eurasia Daily Monitor, посвященную политическим процессам в странах Евразии.

технологическими, доктринальными и социальными¹. При наличии этих четырех параметров на достаточно качественном уровне возможно создание устойчивой сети, которая может конкурировать даже с государственными акторами.

В этом лежит четкий ответ - как действовать в качестве противовеса деструктивным зарубежным сетям и их отечественным сегментам.

Однако иногда не понимание сетевой модели приводит к тому, что вместо нее начинают создаваться ассоциативные кластеры.

Если сетевые организации имеют четкое определение о возможности доступа и должны четко определять критерии для включения и исключения участников, то у ассоциативных кластеров отсутствуют оба понятия².

Если по факту сети - это организации, хотя у них минимум иерархии, а часто отсутствует бюджет и сотрудники для поддержки действий сети, то в ассоциативных кластерах нет администрации, нет четкой политики, их участники могут иметь различные, а подчас противоречащие цели, но, тем не менее, они вовлекаются в устойчивое взаимодействие так же, как и в по-

1 Подробнее см. Савин Л.В. Сетцентричная и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011.

2 Milton L. Mueller. Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. The MIT Press, 2010, P. 42.

литических сетях. Ассоциативные кластеры являются хорошей почвой для отстаивания интересов и мобилизации, как показали протесты белоленочников в Москве, но идея правления там является всего лишь побочным продуктом. Скорее это можно назвать процессом невидимой руки. Хотя для адекватного понимания происходящих процессов нужно иметь в виду оба концепта как формы организации, но, не смешивая их. Если линия между сетевыми организациями и ассоциативными кластерами будет размыта, критические элементы обоих феноменов исчезнут. Подобное объединение сетевой организации с ассоциативными кластерами ведет к неясности выбора участников в сетевых организациях.

Эту модель можно применить и к этносоциальным процессам. Явно, что некоторые народы в диаспорах формируют устойчивые сети, другие можно отнести исключительно к ассоциативным кластерам, а третьи вообще расплываются и адаптируются. Например, как ведут себя народы Кавказа в странах ЕС, - применяют ли вектор этноглобализма, подвергаются ли ассимиляции или наоборот проводят резистентную политику, используют ли возможности soft power и т.д.

В современных глобальных процессах нельзя также не обратить внимание на такое явление, как кризис идентичности, что во многом связано с процессами глобализации, распространении эрзац культуры и интернет коммуникаций.

Как известно саму идентичность формируют и конструируют как объективные внешние факторы, так и субъективные, т.е. управляемые. Второе - это форматирование определенных характеристик идентичности в сторону желаемых или заданных, тогда как первые - это общество, культура, история, религия, язык, ценности и т.п.

Проблема состоит в том, что методологически разделить их практически невозможно, и управление идентичностью иногда полностью приводит к ее уничтожению¹.

Теперь давайте подведем итог сказанному в отношении к текущей ситуации в мировой политике и дальнейших перспективах. Однозначно, та модель, которую предлагают США и ЕС как выразителя интересов Вашингтона с небольшими поправками на общую историю и европейскую культуру, нас, также как и многие государства и народы от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии, не устраивает. Концепция евразийства как мировоззренческой доктрины с указанием на особое место каждой культуры и каждого народа, а при административно-политическом рассмотрении, объединенных в территориальные блоки (большие пространства по К. Шмитту), является опти-

1 Митрошенков О.А. Управление идентичностью// Экономические стратегии №3, 2012. С. 79.

мальным решением для будущего мироустройства. Николай Трубецкой в свое время предложил такое понятие как общеевразийский национализм¹, подразумевая соучастие многих народов в единой судьбе. Хотя термин «национализм» не адекватно передает идею общего геополитического домостроя, сам посыл был очень верным, и с поправкой на необходимость социально-политического инжиниринга сетевых структур, не только в России и регионах по специфическим признакам, но и во всем мире, посредством диаспор, культурных центров, научных программ, обменов и широкого спектра публичной дипломатии, при этом, используя потенциал всего культурно-исторического многообразия, он является востребованным и адекватным. В этом смысле Северный Кавказ имеет огромное значение для подключения и взаимосвязей политических сетей, их координации и поглощения хаотических, не определившихся ассоциативных кластеров.

1 Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 417.

Уровни анализа¹

Колин Грей

Геополитический контекст является наиболее важным. Почти все исследования внезапности рассматривают стратегический, оперативный и тактический уровни этого понятия, тогда как некоторые из них расширяют пределы анализа, включив также технологический аспект. Эти изучения прошли через целый ряд непрерывных обсуждений секретных служб и способов их улучшения. Такая литература в какой-то степени полезна и разумна, но обычно она упускает из вида уровень анализа, которому необходимо предоставить логическую и практическую приоритетность. Таким образом, тексты по внезапности, стратегии и т.д., как правило, игнорируют геополитический контекст. Так как все стратегические проблемы, включая страх перед внезапными атаками, проистекают непосредственно из их исторического контекста, такое игнорирование, явное упущение, является и странным, и довольно удручающим.

Контекст, от латинского *contextere*, имеет два значения. Он может касаться того, что «окружает», что сейчас является его повседневным значением. В то же время он может значить «то, что сплетается вместе»². Если мы задумываемся о стратегической внезапности, особенно в связи с долгосрочными программами военной трансформации, вопрос нужно ставить, начиная с геополитического контекста, а не со стратегической, оперативной или тактической переменных величин. Проблемы на этих уровнях проистекают от политического контекста, который и придает им значение. Чтобы не уйти далеко от целей этой монографии, я изложу их здесь в наиболее доступной и прямой форме. Чрезвычайно важной является постановка вопроса о характере глобальной среды, для которой мы трансформируем Вооруженные силы. Внезапность на этом уровне понятия служит спусковым механизмом. Более привычные виды анализа, подразумевающие стратегическую, оперативную или тактическую внезапность не всегда обращают свой взгляд на рассмотрение этого явления в целом. Чтобы не показалось, что я преднамеренно бросаюсь словами, я спешу отметить, что с энтузиазмом принимаю меры, которые способствуют ослаблению возможности применения по отношению к нам стратегической, оперативной и тактической внезапности. Я во все не пренебрежительно отношусь к этим постоянным попыткам. Однако этот анализ охватывает другой параметр, тот, который рассматривает военную трансформацию скорее с точки зрения источника проблемы, а не в рамках ее адекват-

1 Фрагмент монографии «Трансформация и стратегическая внезапность».

2 См.: Colin S. Gray, *Modern Strategy*, Oxford: Oxford University Press, 1999, ch. 5, "Strategic Culture as Context."

ности и правоммерности. Для какого мира необходима такая Армия, которая сама его трансформирует? Какого уровня, размера и интенсивности обязанности возложит, или, скорее всего, возложит, внешняя политика США на Армию?

Есть основания предположить, что ответы и возможности для исследования для тех вопросов, которые только что были поставлены, существуют. В конце концов, будущее еще не случилось, а планируемая трансформация, насколько я знаю, не содержит никаких обещаний путешествовать во времени. К сожалению, мои вопросы не являются ни риторическими, ни академическими в уничижительном смысле. Министерство обороны вовлекается в долговременный процесс трансформации, который должен усовершенствовать военные возможности и, следовательно, его полезность как инструмента политики, на десятилетия вперед. Что знает Армия, или думает, что знает, о том, что будет в мире через 20 или 30 лет, что с этой целью вступает в процесс трансформации? Конечно, совершенно очевидно, что ответы на эти вопросы располагаются выше уровня заработной платы военных специалистов. У нас существуют политики для решения таких проблем. Несмотря на это, можно говорить о цепи аргументации, которая соединяет планы по трансформированию Армии, являющимися динамическими по самой своей сути, с рабочими предположениями о контексте, которому эти планы должны удовлетворять. Такая цепь аргументации включает «Национальную стратегию безопасности» (2002), «Четырёхлетний обзор оборонной политики» (2001), «Национальную стратегию оборонной политики» (2005) и «Национальную военную стратегию» (2004). Эти документы представляют собой руководство для «Плана военной кампании», того замысла, который детально излагает все предположения, на которых он основан¹. К счастью, мы не так слепы при изучении будущего, даже несмотря на то, что у нас нет хрустальных шаров, и мы не умеем путешествовать во времени. С практической точки зрения, в независимости от того, смотрит ли кто-то оптимистично или пессимистично на возможности органов, планирующих оборону, «сделать ее в должной мере правильной» в среднесрочной перспективе, у этих ответственных лиц просто нет другого выбора, кроме как сделать все, что в их силах, в ситуации непреодолимой фундаментальной неопределенности. Ученый, возможно, даже эксперт, может дать ошибочные прогнозы и перейти к следующим проектам, не задумываясь о несомненных неблагоприятных последствиях. Редким исключением мог бы стать «эксперт», которому приходится по душе возможность доступа к выработке политических решений, благодаря которой он способен отравить этот процесс своим ошибочным руководством.

Новости не в коем случае не являются фатальными или мрачными, так как следующий срез все проясняет. Существуют способы минимизировать риск того,

1 U.S. Army, Army Campaign Plan, pp.2-6.

что вооруженные силы трансформируются в военный инструмент, никоим образом не соответствующий тому миру, в котором он будет функционировать. На данный момент, однако, совершенно необходимо выдвинуть на первый план, объяснить и проиллюстрировать примерами из истории первенство контекста.

Контекстом для национальной безопасности США по настоящему является единство. Каждый значимый аспект сталкивается и переплетается с другими. Однако удобно и полезно обозначить три контекста, при этом не забывая, что эти три аспекта в сущности едины, о чем было упомянуто выше. Контексты, которые разжигают стратегическую внезапность — это геополитический, культурный и технологический. Между ними нет строго установленных границ. Более того, геополитический контекст, по общему признанию, является наиболее важным из трех.

Политическая деятельность выстраивается по поводу власти. Война касается политики. Если организованное насилие не является политически мотивированным, это не война. Необходимо добавить, что война, стратегия и подготовка обороны, включая военную трансформацию, естественно, тоже имеют самое непосредственное отношение к власти. Но что есть власть, что это, ради чего Армия вступает в процесс трансформации? Перефразируя, что должны понять и принять сегодняшние трансформации о релевантном геополитическом будущем? Ошибки, совершаемые на этом наиболее важном уровне анализа, могут без преувеличения стоить нам страны. Мы должны вспомнить комментарий одного из подвижников Гитлера не задолго перед тем, как он встретил свою судьбу в Нюрнберге. Фельдмаршал Кейтель, известный далеко не за свою мудрость, заметил, что ошибки в тактике и действиях можно исправить в ходе войны, но ошибки в стратегии могут быть исправлены уже только в следующей войне. Стоит добавить, что Германия не сумела придерживаться этого принципа. Чем выше уровень проблемы, тем сильнее ставки. Уровень проблемы для наших современных преобразователей нигде более не является таким высоким, как в контексте геополитики.

Тектонические и нелинейные, по всей видимости, сдвиги в геополитическом контексте случаются. На самом деле, они даже являются регулярными. Почувствуйте разницу между геополитическим контекстом США между 1990-ми и концом 1910-х годов, 1930-ми и началом 1940-х годов, серединой 1940-х годов и временами Холодной войны, между 1980-ми и 1990-ми годами. В 1980-х годах, по веским причинам, вооруженные силы США готовились к тому геополитическому контексту, который должен был исчезнуть меньше чем через десятилетие. Нужно добавить, что подготовка не была полностью в отрыве от геополитической революции, о которой идет речь¹. 1990-е годы, эра после Холодной войны, - это де-

¹ Норман Фридман, *The Fifty-Year War: Conflict and Strategy in the Cold War*, Annapolis: Naval Institute Press, 2000, достаточно убедительно говорит, что США внесли свой вклад в развал СССР. — Прим. автора.

сятилетие без наименования, в котором не было доминирующей организующей геополитической характеристики. Первенство Америки было признано, но еще недостаточно артикулировано и использовалось не вполне продуктивно. 9/11 все это изменило.

Трансформируется ли Армия для того геополитического контекста, в котором США будут долго, даже бесконечно, оставаться бесспорным военным гегемоном? Следует ли приспособливаться, пусть даже и болезненно, к миру, где не будет возможности проводить «тяжелую» борьбу против преобладающих государств, в отличие от возможности борьбы против всех государств совсем? Нужно ли приободриться, или, возможно, наоборот, переживать, вести себя все более как войска специального назначения, чтобы вписаться соответствующим образом в геополитический контекст, в котором враги Америки непостоянны, нерегулярны? Ответы на вопросы такого рода являются чрезвычайно важными для формы и направления длительного процесса военной трансформации. К счастью, есть возможность дать такие ответы, которым, по крайней мере, можно доверять. По свидетельствам, доступным в настоящее время, Армия благоразумно адаптируется к будущему, которое может включать борьбу против постоянных и временных врагов. Более того, Армия признает, что даже постоянные противники скорее полагаются на «асимметричные способы» для того, чтобы «смягчить их относительные недостатки»¹. Можно отметить обнадеживающее обстоятельство, что Армия имеет точное понимание, что «угрозы от потенциальных вражеских региональных сил остаются»².

Стратегическая внезапность, по самым крупным масштабам, происходит как результат изменений в контексте национальной безопасности. Хотя мы определяем контекстуальное триединство политики, культуры и технологии в качестве главных источников стратегических изменений, мы также настаиваем на том, что политика в геополитическом смысле по своей значимости для войны и стратегии является ведущей в этом контексте. Например, можно однозначно утверждать, что наиболее значимым системным потрясением для национальной безопасности США за последние 20 лет стало неожиданное исчезновение с геополитического поля Советского Союза как врага. Это один из редких случаев в истории, огромная благоприятнейшая стратегическая внезапность. Многим людям показалось, что информационная революция и последующие дебаты о революции в военном деле (RMA) и военной трансформации имеют высокие показатели по шкале Рихтера, если применить ее к стратегической важности. Однако итоги этих споров не идут ни в какое сравнение с влиянием изменений в геополитическом ландшафте, вызванных редукцией сверхдержав от двух до одной.

1 U.S. Army, Army Campaign Plan, p.3.

2 Там же.

Хотя кто-то может попытаться понять контексты — геополитический, культурный и технологический — как независимые переменные, как, несомненно, поступают во многих исследованиях, такой подход здесь не применим. Несмотря на то, что, в первую очередь, я обращаюсь к культурному контексту в национальной безопасности как возможному источнику стратегической внезапности, я вовсе не считаю, что этот контекст важнее, или же имеет большее влияние, чем геополитический аспект¹. И я говорю об этом, как давнишний приверженец идеи о необходимости изучения стратегической культуры². По крайней мере, это касается США. Мое утверждение состоит в том, что американская культура в той мере, в какой она сказывается на отношениях к национальной безопасности и к войне, гораздо больше формируется под воздействием, нежели формирует сама геополитический контекст. Этот тезис не провозглашается, как непреложная и тем более универсальная истина. Однако это утверждение является серьезным прорывом. Например, оказывается, что, в силу различных исторических обстоятельств, «Старая Европа» вступила в то, что называют постмодернистской, поствоенной эрой. Многие общества «Старой Европы» стали полностью девоеенизированными³. Этот всеми отмечаемый феномен отображает следующее: реакцию на кровавую историю Европы в двадцатом веке; стратегический факт, что эти общества на протяжении 50 лет находились под опекой США как сверхдержавы; и рискованное предположение, что хорошие времена безопасности здесь и останутся, является бесповоротным и поэтому безграничным. Антивоенная культура «Старой Европы» является продуктом, главным образом, современного пессимистического геополитического контекста. Европейцы поняли, что нет необходимости серьезно относиться к собственной обороне. Это логический следующий шаг, в котором необходимость становится преимуществом. Кажется, они не заметили, или предпочли проигнорировать, некоторые сигналы из Москвы, говорящие о намерениях возратить себе глобальный статус и влияние, возможно, в неоднозначной стратегической и экономической связи с приобретающим вес Китаем.

1 46. Литературы по стратегической культуре немного, но она растет. См.: Ken Booth, *Strategy and Ethnocentrism*, London: Croom Helm, 1979; Alastair Iain Johnston, *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*, Princeton: Princeton University Press, 1995; Michael C. Desch, "Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies," *International Security*, Vol. 23, No. 1, Summer 1998, pp. 141-70; Victor Davis Hanson, *Why the West Has Won: Carnage and Culture from Salamis to Vietnam*, London: Faber and Faber, 2001; John A. Lynn, *Battle: A History of Combat and Culture*, Boulder, CO: Westview Press, 2003; and Jeremy Black, *Rethinking Military History*, London: Routledge, 2004, especially ch. 9. Для предметного обсуждения важности идеи военной культуры, см.: Allan D. English, *Understanding Military Culture: A Canadian Perspective*, Montreal: McGill-Queen's University Press, 2004. — Прим. автора.

2 Colin S. Gray: *Nuclear Strategy and National Style*, Lanham, MD: University Press of America, 1986; and *Modern Strategy*, ch. 5.

3 Robert Kagan, *Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*, London: Atlantic Books, 2003, overstates a fundamentally sound argument

В случае с Америкой культуру вряд ли можно рассматривать как возможный источник стратегической внезапности. Хотя культура, по определению, должна отражать укоренившиеся отношения и привычки, она также во многом представляет собой существующий контекст, оказывая влияние через определенную реакцию на существующие обстоятельства. Это утверждение предполагает, что американская культура является фундаментально терпимой к широкому диапазону возможных линий поведения зарубежной оборонной политики, в зависимости от обстоятельств. Всегда есть возможность, что какой-нибудь политический представитель интересов широких масс может с успехом призывать к изоляции в американском обществе. Если это случится, эффект стратегической внезапности на военное положение нации может, даже должен, оказаться весьма значительным. Однако это изучение еще не убеждает, что такое событие полностью возможно. Оно кажется невероятным, даже если страна, играющая роль мирового шерифа, испытывает боль, разочарование и, как следствие, возмущение неблагодарностью того, что, не без иронии, зовется мировым сообществом¹. Это не всегда так, но, по крайней мере, сейчас совершенно очевидно, что культурный контекст для национальной безопасности США — это переменная, зависящая от понимания геополитического контекста страны. В 1990-х годах Американское общество не очень интересовалось Балканами или Африканским Рогом, отсюда и огромное количество работ о необходимости «пост-героического» Американского стиля ведения войны². Для потенциально возможной политики и социетальной антипатии, ослабляющей стратегию, существуют, конечно, и демографические, и другие социологические объяснения переживанию, даже страданию, вызванному понесенными потерями. Но, нельзя не отметить, что и тщательное изучение, и опыт говорят нам, что утверждение о чрезвычайной антипатии США к потерям — всего лишь миф, при условии, что американцам небезразлична миссия, о которой идет речь³. Чего американское общество не потерпит, так это нерешительных военных действий со стороны администрации, которая не будет иметь ни малейшего представления, или серьезной ориентации на победу. Американское общество, вероятно, не будет проводить какой-либо отталкивающей стратегии внезапности, которая будет сдерживать или предотвращать рискованное геополитическое поведение. Культура следует за политикой, по крайней мере, обычно бывает именно так.

1 См.: Andrew J. Bacevich, *American Empire: The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*, Cambridge: Harvard University Press, 2002; Gray, *The Sheriff*; and Niall Ferguson, *Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*, London: Allen Lane, 2004.

2 Edward N. Luttwak, "Toward Post-Heroic Warfare," *Foreign Affairs*, Vol. 75, No. 3, May/June 1995, pp. 109-122.

3 См.: Peter D. Feaver and Richard H. Kohn, eds., *Soldiers and Civilians: The Civil-Military Gap and American National Security*, Cambridge: MIT Press, 2001, p. 467.

Третий контекст, потенциально важный для стратегической внезапности, — это технологический контекст. Я смело, даже, возможно, немного необдуманно, утверждаю, что технологическая внезапность, вероятно, не является стратегической проблемой для вооруженных сил США. Глубина, широта и устойчивость ориентации США на совершенствование военных технологий, имеющая основу в технологически первоклассном гражданском секторе, почти гарантируют невозможность внезапного появления недостатка в технологиях, потенциально смертельного для национальной безопасности. На самом деле, все обстоит даже лучше. Существует такое количество способов и приемов совместного ведения войны, таким многообразным и сложным является сегодня оружие на военном рынке, что практически невероятным кажется ожидание стратегической катастрофы по причине особенной технологической слабости. Это хорошие новости. Куда менее хорошей новостью является то, что вполне обоснованные опасения вызывают не новые технологии, а скорее то, как другие страны или группы могут использовать их при ведении войны. Некоторые американские комментаторы разумно, но, увы, некорректно, полагают, что в ходе своей вызванной информацией революции в военном деле (RMA)/трансформации эти вооруженные силы США просто проводят линию модернизации приемов ведения войны¹. В условиях глобального распространения информационных технологий (ИТ) и предполагаемого универсального военного смысла во всех технологических достижениях, следует отметить, что знать Американский путь — значит, знать будущее для всех, кто стремится осознать современное состояние дел в военных вопросах. К несчастью, в мире так не получается. Причины заключаются и в геополитическом, и в культурном контексте. Геополитически, конкуренты Америки будут рассматривать технологическое меню таким образом, чтобы дать преимущество своим уникальным стратегическим достоинствам и компенсировать недостатки. Также, так уж вышло, что не существует никакой общепризнанной «грамматики» ведения войны². Различные противники войны имеют свои собственные различные взгляды на то, каким образом общеизвестная технология должна использоваться. Среди огромной коллекции написанных не столь давно эссе о проблеме влияния локальной культуры на последствия распространения технологии и идей можно найти такие предостерегающие слова:

1 “Технология управляет каждым, террористами и армией, с применением той же тактики. Даже более того, большая часть технологии доступна в большом количестве... Как мы увидели, США и Аль Каида используют одинаковые подходы к войне. Это потому, что масса групп сейчас может конкурировать на том же уровне, что и многие национальные государства, и все перенимают и используют схожие методы, потому что это работает.” Bruce Berkowitz, *The New Face of War: How War Will Be Fought in the 21st Century*, New York: Free Press, 2003, pp. 16, 18. Хотя в словах Берковитца и есть достоинства, его общие утверждения тактической общности являются опасным заблуждением. — Прим. автора.

2 Clausewitz, p. 605.

Одной из главных целей этой книги является призыв для практиков не очень доверять своим ожиданиям, что распространение новых военных знаний является простым и откровенным. Его нельзя ни с легкостью контролировать, ни постоянно сдерживать. До сих пор есть несколько ключевых причин. Во-первых, культура будет продолжать придавать форму развитию и распространению военных знаний, продуцируя местную адаптацию, которую сложно предсказать. Настоящее копирование чрезвычайно редко, можно предположить, что другие, вероятно, не будут использовать IT-RMA так же, как США¹.

В своей замечательной книге, Пол Хёрст высказывает примерно такую же точку зрения, только более широко. Он советует, что «война руководствуется идеями о том, как использовать оружие и военные системы почти настолько, насколько это возможно вследствие технических и организационных изменений. Идеи, таким образом, являются решающими...»².

Суммируя все аргументы этого раздела: технология не представляет сколько-нибудь значимой угрозы для стратегической внезапности; гораздо более сложная проблема лежит в неподдающемся прогнозам применении этой технологии другими культурами. Повсеместно такое применение может повлечь за собой гибельные угрозы для национальной безопасности США только потому, что геополитический контекст характеризуется серьезным соперничеством. Технология и культура и стратегическая внезапность, которую они должны определять, являются строго зависимыми переменными. Они в их стратегическом значении зависят от политического контекста.

Возможно, наиболее выразительной иллюстрацией моим словам, что геополитический контекст главенствует, будет предположение о не таком уж и фантастическом будущем, где США окажутся не просто в оппозиции к «региональным силам», а, вместо этого, к тому, что можно считать «блоком» государств под предводительством Китайско-Советского политического альянса. Существует множество причин, по которым это может не произойти, но перспектива появления эффективной мировой сверхдержавы-противника — вполне определенная возможность. Моя цель не состоит в том, чтобы предполагать вероятность этого появления, скорее подчеркнуть, что такое нежелательное развитие будет иметь серьезные последствия для планов и позиции обороны США. Сценарий трансформации Армии способствует скорости и адаптивности и стремится к возможности достижения полного превосходства в бою. Все это замечательно. Однако возвращение того, что считается геополитической биполярностью, с Европой,

1 Emily Goldman and Andrew L. Ross, "Conclusions: The Diffusion of Military Technology and Ideas Theory and Practice," in Goldman and Leslie C. Eliason, eds., *The Diffusion of Military Technology and Ideas*, Stanford: Stanford University Press, 2003, p. 390 (emphasis added).

2 Paul Hirst, *War and Power in the 21st Century: The State, Military Conflict and the International System*, Cambridge: Polity Press, 2001, p. 9.

старающейся, по всей видимости, сохранить нейтралитет, подразумевает соревнование в качестве, количестве и разнообразии стратегических проблем, выходящее за пределы действительных политических предположений. Гипотетическая ситуация приводится не как прогноз, а как, повторюсь, иллюстрация всей важности геополитического контекста.

Причастность к общей судьбе

Теймур Даими

В 1991-м злосчастном году, посредством ряда поспешно-суетливых диверсионно-чиновничьих процедур, было совершено величайшее геополитическое и геокультурное преступление — развал СССР. Одно из самых могущественных энигматических пространств современности распалось на мелкие “феодалные княжества”, именуемые независимыми государствами. Распалось на глазах у миллионов простых советских людей, утомленных лживой либерально-демократической риторикой горбачевских горе-реформаторов.

Это было дико, неожиданно и возвышенно одновременно. Население огромной страны, уже охваченной огнем межнациональных конфликтов, изрядно подустало от интенсивного лицемерия демагогической партийной бюрократии и хамской политики центра (т. е. Москвы) по отношению к нестговорчивым республикам (Средней Азии, Закавказья и Прибалтики). Эта всенародная усталость и телячье раболепство продвинутой советской кулонной интеллигенции перед западными “общечеловеческими ценностями” определили индифферентность масс к самому факту исчезновения могущественной державы.

Это сейчас, с высоты прошедших лет, можно сожалеть о трагедии, постигшей евразийское пространство, и о геополитическом преступлении перед Историей со стороны нескольких обезумевших партийных ничтожеств из высших эшелонов власти. С высоты нашего времени всё выглядит по-другому. Всё гораздо прозаичнее, жестче, без сантиментов и инфантильного героизма розового периода национально-освободительных движений и карикатурно трогательного парада суверенитетов. А тогда, в конце 80-х и начале 90-х годов, политическая атмосфера была пронизана гипнотическим туманом массового квазидемократического безумия. Мир казался строго дихотомичным и однозначным: с одной стороны, империя зла — СССР и социалистический лагерь, с другой — весь остальной нормальный, демократический мир всеобщего благоденствия и прогрессирующего блага. Одурманенная внушительными дозами перестроенной свободы наиболее пассионарная часть советских народов, вооружившись лозунгами народно-освободительных движений, начала борьбу за независимость. Борьбу против так называемой “империи зла”. Борьба увенчалась успехом. В 1991 году красный колосс на глиняных ногах рухнул. Народы получили, наконец, “свободу”. Демократически ориентированные элиты национальных республик ликовали, как ликуют дети, одаренные долгожданными игрушками на новогодней елке. Ведь в республиках большинство интеллигентов-шестидесятников

давно грезил о национальном суверенитете. Никто из них и представить не мог, чем всё это закончится, какой кровью обернется дорога к пресловутой и мнимой свободе.

В то время схема геокультурной динамики национально-политического освобождения от ига советской империи была ясна как день: выход из состава СССР и благополучная комплексная интеграция в мировое сообщество. Национально-освободительные *демократически* ориентированные элиты были уверены в том, что мировое сообщество в лице развитых западных стран и США с нетерпением ждет новоявленные государства и готово с распростертыми руками принять их в свои ряды. Сейчас, в век бурного расцвета политтехнологий, поведенческие стратегии этих национальных элит поражают своим инфантилизмом и наивностью. Искренне веря в демократические идеалы пресловутого «гражданского общества» и счастливое будущее своих стран под лучами благочестивого мирового сообщества, национал-романтики постсоветского пространства обрекли свои народы на чудовищный эксперимент, превратив их в безропотных объектов глобализационной политики стран «золотого миллиарда». Вскоре стало ясно, что мир за границами 1/6 части суши не столь справедлив, демократичен и свободен, как казалось демократам позднесоветского периода. Более того, этот мир оказался неожиданно циничен и жесток, полон двойных стандартов и ему глубоко наплевать на благополучие населения постсоветских стран, причисленных архитекторами глобализации к остальным пяти миллиардам человечества, которые, опять же, с точки зрения этих архитекторов, не имеют никаких прав на будущее.

Очень скоро национал-романтики с ужасом осознали тот факт, что их, как последних лохов, использовали бывшие партийно-номенклатурные лидеры, в целях придания центробежным тенденциям (после крушения Союза) необратимый характер. После того как это случилось, то есть была достигнута точка невозврата к прежним временам, национал-романтики были выброшены на свалку истории и почти на всем постсоветском пространстве к власти пришли бывшие коммунистические боссы, образовав своеобразный гибридный класс — криминальную олигархическую бюрократию. Этот новый постсоветский класс преследует одну-единственную цель — как можно выгоднее и подороже продать себя и свои страны трансперсональным корпорациям и международным экономическим структурам, защищающим интересы этих корпораций. Взяв на вооружение наспех сколоченные архаично-национальные идеологии, власти бывших союзных республик, используя весь богатый арсенал суггестивно-репрессивных мер, стараются убедить свои народы, во-первых, в неоспоримых преимуществах национального суверенитета, во-вторых, в безнадежности и даже преступности любых идей, направленных на реанимацию единого ментального пространства, объединяющего все постсоветские республики. Именно

здесь, в этой антинародной политике криминальных режимов проявился весь ужас *национального*, так называемая *тирания этноса*, возвращающая людей к аутичной родоплеменной парадигме мышления.

Поэтому на уровне актуальной политики мы видим не всегда явную, но все же имеющую место грызню между республиками бывшего Союза, попытки группироваться по сиюминутным интересам в геополитические союзы, напоминающие альянсы в криминальной среде или борьбу архаичных племен за доминанцию в регионе. Бросается в глаза устойчивая тенденция к дистанцированию республик от России (даже таких родственных, как Украина и Белоруссия), заигрывание с США, НАТО и прочими атлантическими структурами. То есть центробежная динамика, во многом провоцируемая имперскими амбициями, исходящими от некоторых российских влиятельных институций, не теряет свою силу, а временами даже усиливается. Это то, что наблюдается на сцене большой политики.

Но справедливо ли такое взаимное неприятие на уровне населения постсоветского пространства?

Мои личные наблюдения в этой сфере говорят о том, что на уровне постсоветских множеств (термин Негри — Хардта) имеют место противоположные тенденции: множества тянутся друг к другу. И дело тут не в эмпирической ностальгии по добрым старым временам, когда уровень жизни людей, в среднем, был значительно выше теперешнего. Ведь необъяснимая тяга друг к другу наблюдается не только у среднего и старшего поколений, инфицированных политикой социальной уравниловки, но и у совсем молодых людей, родившихся и сформировавшихся уже в независимых государствах, под лучами глобального спектакля. Это кажется непонятным и парадоксальным, ибо в современном мире принято судить о качестве жизни по критериям внешней успешности и физиологической сытости. Но дело здесь отнюдь не в вульгарных стремлениях к желудочно-кишечному конформизму, характерных для всей капиталистической эйкумены. Тем более эти стремления в бывших союзных республиках не столь затребованы, да и не работают, как следует. Здесь всё идет не так, как надо, не так, «как у людей». Здесь наблюдается явное отклонение от «общечеловеческой» нормы, от алгоритма истории, заданного всему миру странами победившего Капитала. Здесь всё постоянно выходит из-под контроля хозяев земного шара, приватизировавших ответственность за историческую судьбу человечества.

Даже при беглом взгляде на историю евразийского социального космоса создается ощущение, что эта часть суши никак не хочет вписаться в исторический мейнстрим, постоянно выскакивает из магистральной линии развития цивилизации. словно своим проблематичным присутствием евразийский социум подчеркивает факт онтологической девиации, случившейся когда-то с развитием

человеческой цивилизации, хотя, с точки зрения последней, сам является отклонением от «правильного и единственно возможного» исторического курса. В чем же дело?

А дело в том, что евразийское пространство «беременно» особой субстанцией, отличающей народы, живущие здесь, от остального населения земного шара. Эта субстанция представляет собой уникальный магический ФЕРМЕНТ, сцепляющий молекулы сознания евразийских народов в метаэтническую общность, которая запредельна любым формам внешнего социального оформления геополитического пространства. Не имеет значения, какая именно общественно-политическая (или цивилизационная) форма актуализирована на этой территории — «Великая степь» с ее диффузным взаимопроникновением этносов, Российская империя с ее монархическим самодержавием, Советский Союз с тоталитаризмом или веер независимых государств, изнутри разьедаемых криминальными режимами, — фермент все равно выполняет свою провиденциальную функцию энергетического сцепления множеств. Именно наличием этого фермента можно объяснить тот факт, что евразийские этнические группы, исторически входившие в различные конфессионально-цивилизационные проекты, оказались гораздо ближе друг другу, чем народы, принадлежащие, скажем, к одной и той же религиозной конфессии. Есть соблазн легко объяснить всё это военной экспансией России, постепенно, в течение несколько веков, объединившей евразийские народы в единое государственно-правовое поле. Но расширение российского государства было не причиной возникновения фермента, а скорее его следствием. То есть иррадирующее наличие этого фермента и побудило российское государство к необузданной экспансии. Другими словами, Россия, на каком-то историческом этапе, была «выбрана ферментом» в качестве инструмента реализации провиденциального замысла, не умещающегося в логику нормативной истории. Кстати, этот замысел не имеет прямого отношения к идее Империи, которую отстаивают многие евразийские пассионарии. Ведь эта амбициозная идея носит количественный характер и зиждется на модусе наращивания и укрепления мышц государственного тела, вплетенного в ткань актуального бытия, т. е. того, что есть и хочет быть вечно*. Волшебный же фермент, «имплантированный» провидением в ментальную структуру евразийских множеств, принципиально иного качества, нежели актуальное бытие, где, согласно Ф. Гегелю «всё действительное разумно» и где это имманентное «действительное» упорно абсолютизируется. Поэтому он (фермент) будет «проваливать» любые попытки восстановления евразийского социального пространства в формате Империи, так как эти националистически окрашенные попытки только компрометируют фермент, «презирающий» статическую идею *статус-кво* и признающий примат *долженствования* над бытием как фактора непрерывного преодоления «разумной действительности».

Единственной адекватной реакцией на «запрос» фермента явилась, пожалуй, большевистская революция 1917 года, со всей очевидностью проявившая архетипические интенции евразийских множеств, направленные на сворачивание того направления исторического развития, которое ведет к совершенствованию «бытия ради бытия», тривиально выражаясь, к финальному торжеству царства Капитала (что и означает абсолютизацию имманентного сегмента Реальности). Лидеры революции, и в первую очередь Ленин и Троцкий, интуитивно и невольно прикоснулись к энергетике провидения относительно этой части суши. Не зная на декларируемую враждебность революционеров-атеистов всему, что связано со сферой метафизики, через их неконформистскую деятельность был задан мощный эсхатологический вектор — актуализирована интенция к *новой жизни* и сотворению *нового Советского Человека* (нет ли здесь отголоска теологических дискурсов «новых земель и новых небес» и «нового Адама»?). Конечно же, потом все эти «абсурдные» идеи были благополучно похоронены Сталиным в созданном им бюрократическом государстве, мало чем отличающемся (по степени имманентности!) от капиталистических стран, но не в этом дело. Распад СССР оправдан именно с точки зрения компрометации первичных революционных интенций, направленных на проявление фермента. Советский Союз после 1928 года, несмотря на формальное засилье коммунистической идеологии и всяческие инновационные декларации, на деле всеми интеллектуальными усилиями и форсированной модернизацией пытался вписаться в исторический мейнстрим, что никак не могло «удовлетворить» фермент, «взывающий» к прямо противоположному вектору.

Выскажу свое основное предположение: фермент, имеющий трансцендентную природу, представляет собой своеобразную «точку Омега» (термин Тейяра де Шардена) — некую парадоксальную точку Будущего, которое организует настоящее по отношению к себе. В этой связи можно определить фермент и как *конечную причину*, имеющую нелинейное определяющее влияние на нынешнее состояние (настоящее). Речь, на самом деле, идет о социоментальной алхимии, конкретнее, о перцептивной трансмутации гомосапиенса — энергетической процедуре рождения нового Человека (Человечества), радикально отличного от той картезианской модели «двумерного» человека-машины (человека-потребителя, человека-функции...), которая актуальна в современном мире. Другими словами, на евразийские множества из Будущего направлен провиденциальный луч, функция которого заключается в радикальной трансформации антропологического фактора (концепт «советского» человека), сначала на территории Евразии, а затем и во всем мире (теория перманентной революции). Важно отметить, что это Будущее не находится где-то там впереди, на линии причинно-следственной связи, оно логически не выводится из эмпирического настоящего, ибо не принадлежит физическому временному вектору прошлое-настоящее-будущее.

Будущее, о котором идет речь, — по ту сторону исторического детерминизма, которое приводит к диктатуре Капитала, глобальной механизации бытия, легитимизации всего перверсивного и выхолащиванию Живого из человеческой жизни (вечный рай умных машин и послушных клонов как идеал глобализации).

Это постэсхатологическое Будущее адекватно и компетентно описано в православно-христианских и мусульманских учениях, лежащих в основе традиционной веры евразийских множеств. И никакая атеистическая идеология, никакое секулярное мировоззрение не способны истребить эту веру, ибо она постоянно заряжается ферментом, имеющим прямое отношение к эсхатологическим темам «конца времен» и, особенно, к «новым небесам и новым землям». Конечно же, сейчас, в наше «просвещенное» позитивистское время, мы можем говорить только о крипторелигиозности современных людей, далеких от метафизических топик, и тем не менее, как бы там ни было, коллективное бессознательное евразийских множеств обусловлено незримым, но активно иррадиирующим присутствием фермента. И от этого иррационального факта никуда не деться.

Кто знает, может быть, так называемая «прогрессивная ностальгия» (бессознательная тяга евразийских множеств друг к другу и к чему-то трудно определимому) обусловлена тем, что на глубинном уровне мы интулируем, что некий очень важный провиденциальный Проект так и остался (пока!) нереализованным. Иначе выражаясь, что-то очень важное, даже святое, принципиально контрапунктное историческому мейнстриму и глобальной диктатуре Капитала было предательски и скоропалительно погребено под обломками меркантильных обид, сиюминутных геополитических интересов, конъюнктур и т. д.

Но все дело в том, что магический фермент, сцепляющий множества и подспудно провоцирующий их к внутреннему сопротивлению диктатуре Капитала, разлит в самой атмосфере Евразии, вкраплен в нашу кровь, в нашу биогенетику. Мы изначально «заражены» и «травмированы» этим ферментом, а значит, нам, в конечной перспективе, не избежать выполнения тайного метаисторического предназначения, не избавиться от фатальной причастности к общему для всех нас эсхатологическому Проекту, а значит, и к общей Судьбе...

P.S. Империя так же относится к государству, как, скажем, нищенский сверхчеловек к обыкновенному человеку, т. е. разница не в качестве, а количестве. Изменение статуса в этом случае не ведет к изменению внутреннего качества, не приводит к радикальному прорыву в принципиально иное.

Рецензии

Воложанин В. В., Петров В. П. Основы теории Новой Российской Империи. - М.: Кислород, 2012. - 288 с.

Вячеслав Алтухов

Воложанин В.В., Петров В.П.

ИД "Кислород"

который выступили с одной стороны доктор экономических наук, профессор Владимир Волжанин, а с другой кандидат философских наук, боевой офицер, полковник Владимир Петров, только этот факт, помимо самого названия, вызвал во мне желание, не откладывая в долгий ящик, ознакомиться с содержанием.

Работа, являясь концептуальным изложением, структурно оформлена весьма точно, логически рационально. Чтобы придерживаться взятых на себя обязательств по краткому изложению сложного и объемного материала, авторы книги всю широкую палитру используемого в своей работе материала, близких им по духу авторов, сжали до высококонцентрированной квинтэссенции тезисов, на основе которых и развернули свое повествование.

Констатируя несостоятельность Российской Федерации как самостоятельного и суверенного государства, в качестве аргументации используя мета-парадигмальный геополитический анализ, авторы книги утверждают, что нынешнее положение дел не может больше оставаться статус-кво. Поэтому либо нашим геополитическим противником будут завершены разрушительные стратегии, погружая в хаос не только территорию РФ, но и другие регионы мира, где единственным островом стабильности будут выступать США и их союзники, либо Россия вновь возродится как великая Империя. Чтобы избежать громких слов, обвинений в имперском реваншизме, шо-

В наши дни все чаще слышны разговоры о необходимости национальной идеи и идеологии для выхода из кризисной ситуации, в которой пребывает более 20 лет Российская Федерация. Книга, с которой мне довелось ознакомиться как раз из числа конкретных предложений. Сами авторы рассматривают свою работу как первое систематическое научное описание основ теории и практики Новой Российской Империи, в создании которой они видят альтернативу набирающему обороты сценарию планетарного хаоса, и в котором просто нет места России в никакой иной виде как в несуществующем.

Итак, совместная монография «Основы теории Новой Российской Империи», авторами

винизме или в чем-то подобном в книге приведен сравнительный анализ результатов имперских и не имперских периодов нашей истории, который наглядно подчеркивает преимущества государственного устройства имперского типа.

Как следует из названия книги, авторы предлагают вернуться к подобному рода практике государственного устройства, при этом уточняют, что Империя должна быть византийского типа. Что подразумевает выстраивание социологической матрицы исходя из наличия двух субъектов социальных отношений: экклези и империи, которые оформляются как симфония двух властей Патриарха и Императора. Не смотря на то, что авторы в своей работе апеллируют к модели Российской Империи романовского периода, но по описываемой структуре явно подразумевается Московская Русь с идеей Москва третий Рим. В любом случае речь идет о богословском обосновании в духе православной традиции того, что принято называть Катехоном, т. е. преградой на пути прихода человека беззакония — Антихриста. Роль Империи в таком случае как раз и является той мессианской задачей, которую на себя возложил русский народ-богоносец по спасению и защите других народов от царства Антихриста.

Исходя из того, что оба автора являются вице-президентами Академии геополитических проблем, предлагаемый ими проект базируется на классической модели геополитики с добавлением того, что Хартлэнд в социально-политическом плане носит православную детерминацию. И этому моменту уделяется важное значение, так как «Именно эта сущностная основа - онтология православной философии определяет имперскую философию, формирует всю систему принципов, целей и ценностей новой Российской Империи в каждом аспекте ее существования».

Говоря о границах Новой Российской Империи, геополитики считают необходимым возврат к границам Российской Империи, а в перспективе и включение в свой состав православных, славянских стран, а так же Монголию. Другими словами влияние новой Империи должно распространиться несколько больше чем границы стран-участниц Варшавского договора. В этом ключе авторы и предлагают мыслить российскому руководству, мобилизовав свой потенциал на реализацию многоуровневых интеграционных проектов.

На тех же геополитических тезисах базируется изложение концепции безопасности, которая, являясь сложной системой, обеспечивает возможность стабильного развития и процветания народа Российской Империи и соответствует внутренним и внешним вызовам.

Положив в основу безопасности интересы народа, внешним угрозам рекомендуется противопоставить не только вооруженные силы и ВПК, включая спецслужбы и дипломатический корпус, но привлекательный пример общественного устройства, эффективной экономики и высокого уровня жизни. Кстати говоря, общественно-политическое устройство описывается авторами как сословная демократия, что обосновывается на большом количестве тематических таблиц. Ознакомится и сделать выво-

ды о данных уложениях предлагаю сделать самостоятельно, отмечу лишь спорность тезиса о деурбанизации. На мой взгляд, самым эффективным решением по переселению городского населения в сельскую местность являются рецепты Пол Пота, но сомневаюсь в возможности их реализации в современных условиях. Как мне кажется, для решения данного вопроса уместнее применить методологию рурбанизации.

Основным препятствием внутренним угрозам академики предлагают противопоставить наряду со спецслужбами, правоохранительной и судебной системами, общественные организации имперской безопасности, а так же средства массовых коммуникаций, что в совокупности полностью отвечает принципам справедливого и эффективного устройства новой Российской Империи и действует «во славу Божью и на благо людей».

Что касается вопросов глобальной безопасности, то тут авторы книги видят выход в стратегическом союзе новой Российской Империи с другими цивилизациями Традиции, а именно союз с Китаем, Ираном, Индией и континентальной Европой есть основа незыблемой безопасности и процветания всех без исключения народов Евразии. При этом предлагается полицентричная конструкция глобального мира, структурированная из 10 полюсов:

- Новая Российская Империя;
- Китайская Империя;
- Иранская Империя;
- Индия;
- Европейская континентальная Империя (включая африканское средиземноморье, за исключением Египта);
- Арабский Халифат;
- Израиль (хотя тут авторы ставят под сомнение возможность сохранения государственности);
- Империю США и Великобритании (включая страны Северной Америки, Атлантики и Океании);
- «Латиноамериканский котел»;
- «Африканский котел».

В завершении книги авторы говорят о том, что выпуская эту книгу, они мотивировались желанием начать обсуждение их проекта по построению Новой Российской Империи и, не смотря на то, что многие аспекты являются недоработанными и «сырыми», тем не менее, ими предпринимается попытка по заполнению вакуума идей. Тем более что, по мнению вице-президентов Академии геополитических проблем, в нынешний момент трансформации мировой системы открываются новые возможности для восстановления былого величия Россия, однако предупреждают, что воспользоваться этим историческим шансом можно лишь в течение нынешнего десятилетия, а именно в период с 2012 по 2017 годы. Главное не упустить этот шанс.

Кто будет склеивать Новую Евразию?

Искандар Асадуллаев

В 2012 году вышла в свет книга двух вице-президентов российской Академии геополитических проблем В.В. Воложанина и В.П. Петрова “Основы теории Новой Российской Империи”. Как участнику круглого стола, проведенной названными геополитиками, нам также хотелось бы высказать свои взгляды на эту острую проблему, листая названную книгу.

Анализ внешней политики России по отношению к Таджикистану наводит на мысль о том, что особая “доблесть” внешней политики России заключается в чрезвычайно малых затратах в осуществлении “полета величия - Державности”, что совершенно не вяжется с принципами взаимности и дружбы по отношению к союзникам. Однако при таком подходе во внешней политике совершенно невозможно создать крепкие союзнические международные отношения. Союз, построенный на выкручивании рук, не может быть крепким союзом. При таком отношении нереально требовать от союзника одновекторной пророссийской политики. Союзник отчаянно всеми возможными путями будет проводить многовекторную политику в надежде выйти из тупика, зная, что Россия, не оказывая решающую помощь, не допускает в то же время и получения Таджикистаном помощи от других. Это сегодня до имперская и после имперская позиция некоторых центров сил России - тех, кто упорно говорит о союзе. Что же тогда говорить о реалиях будущей Империи?!

Однако многовекторная внешняя политика Таджикистана возникла не сразу, вначале она была однозначно ориентированной на Россию в ожидании инвестиций, помощи в строительстве крупных ГЭС, например, Рогунской. От России ожидали помощи в создании страной системы энергетической безопасности, но многие попытки ее создания при помощи РФ оказались тщетными. Это дало основание ряду экспертов говорить о том, что Россия проводит политику ограничения энергетической безопасности Таджикистана в угоду центральноазиатскому гегемону — Узбекистану. И не только поэтому.

В треугольнике Москва — Ташкент — Душанбе власти РФ почти всегда берут сторону Ташкента, за редкими обещаниями помощи Таджикистану во время отказов Узбекистана от тесного участия в структурах с ведущей ролью России.

Между тем многовекторная политика Таджикистана имеет свою специфику. Она опирается и допускает военное, цивилизационное и геополитическое сотрудничество с Россией и одновременно не исключает сотрудничества с другими странами и державами. В существующем положении вещей нелепо делать упреки в адрес Таджикистана. Москва прекрасно знает о тех проблемах, которые создает

для Таджикистана Ташкент, но не поступает своими интересами в узбекском направлении ради Душанбе. Есть и другой пример. Например, Россия и европейские страны прекрасно ладят по поводу углеводородных труб в Европу, но Россия с раздражением относится к праву Душанбе налаживать плодотворные отношения со странами Европы, получать от них помощь.

Однако вернемся к нашим “провозвестникам” Империи. На смену СНГ должен, по мнению новых империалистов, придти Российский Имперский Союз. Вице-президенты Академии геополитических проблем пишут: “При этом очевидно, что первой и самой важной задачей внешней политики новой Российской Империи будет формирование в ее составе Российского Имперского Союза, а также обеспечение внешней безопасности страны. В этом направлении придется много потрудиться”.

Кто же будет склеивать новый Союз народов и в самой России и в Российском Имперском Союзе? Об этом они пишут следующее: “Конечно, русскому народу всегда в Российской Империи принадлежала особая роль. Русский народ, как имперский суперэтнос*, всегда “склеивал” Империю, был основой Русской Цивилизации. И возрождение истинного, православного, культурноисторического, патриотического русского национального самосознания - важнейшая цель новой Российской Империи, отвечающая интересам Русской Цивилизации и всех русских, в широком смысле этого слова, во всех сословиях и народах нашей Великой Родины”.

И ни слова о том, как преодолеть шовинизм и национализм, разлагающие российское и евразийское единство. А с другой стороны — разъединяющее страны Евразии доминирование России без системной помощи своим собратьям. Ни слова об идеалах взаимопомощи, человечности и взаимоуважения народов на всех уровнях: политическом, культурном, бытовом, социально-психологическом, этнополитическом.

Только существованием русского “суперэтноса” вопроса не решить. Для того чтобы он склеивал остальных, необходимо соответствующее состояние его умов, и элиты и всего народа, не зараженных ненавистью к другим как “чуркам” или “балласту”. Это задача не из абстрактной сферы, она четко стоит и перед Россией и перед ее руководством, но не решается ими. При этом следует иметь в виду состояние умов не только русских и россиян, но и все остальных в Евразии. Соответствующее состояние умов можно создать, если идеалы Евразии будут приняты инициаторами Евразийского Союза, и они будут внедрять их на всем пространстве Евразии.

Как же склеивать, если некоторые властные структуры России не предпринимают никаких действенных мер против ограничения политики и психологии доминирования, которым заражены многие в России? В чем же причины? Может быть, именно такая политика и необходима руководству?!

Таджикистан отказался бы от многовекторной внешней политики, если был уверен, что его однозначно пророссийская политика не будет заложником остаточного принципа помощи по отношению к нему. Это значит, что в постсоветском пространстве после развала СССР из жизни народов были изгнаны идеалы Евразии, вкрапленные в тоталитаризм — идеалы человечности, равенства, взаимоуважения и взаимопомощи.

Без идеалов Евразии не может быть Евразийского Союза. То есть без определенного состояния умов.

Мы должны говорить о таком процессе, который имеет место в Евразии, как глобализация сознания. На это и обращает внимание Б. Муминов. Это процесс превращения общественного сознания в идеологию в одну из основ различных видов сознания — индивидуального, семейного, группового, коллективного сознания. Общественное сознание и включенные в него евразийские идеалы пронизывали все остальные виды сознания и с разрушением такого его вида, как идеология, ослабили все остальные виды сознания. Возникла необходимость в надындивидуальной поддержке всех остальных видов сознания в направлении решения новых задач создания здоровых отношений в новых условиях. Поэтому во весь рост встает задача выдвижения в сознании миллионов идеалов гуманизма. Об этом не ведают новые империалисты — авторы названной книги.

В семье, упорядочивании обычаев, возрождении патриотизма с человеческим лицом, преодолении разгула национализма и шовинизма, утверждении доброго отношения к людям, непохожим на тебя, сохранении и защиты своей цивилизации, и своей и евразийской, сегодня важная роль принадлежит идеалам.

Когда разрушилось коммунистическое сознание, то ослабшие формы сознания — индивидуальное, семейное, или иные виды коллективного сознания оказались подверженными влиянию новых отношений в постсоветском пространстве, называемых ныне отношениями варварского капитализма.

Демократическое сознание, движение и отношения в передовых странах мировой демократии в состоянии защитить существующий там гуманизм по отношению к человеку — права человека, верховенство закона. Однако в странах СНГ с приходом варварского капитализма, явлений правового нигилизма и в условиях устранения лучших идеалов человечества и Евразии с разрушением прежней идеологии, не стало государственно-идеологической основы для поддержания гуманистических отношений.

В коммунистической идеологии было много фальши, лицемерия, но именно она вобрала в себя лучшие идеалы человечества, была создана в условиях государственно-бюрократической деспотии сфера подлинных человеческих отношений. Это кажется парадоксом, но это именно так и было.

С практическим коммунизмом были связаны и преступления против человека и существование подлинных гуманистических отношений, которые допускала советская власть. С разрушением советской власти и идеологии была разрушена платформа сферы советского гуманизма с достижениями в области социальной защиты, образования, научного сознания, семейных отношений, межнациональных отношений, свободы и защиты женщин и детей. Несмотря на то, что детский труд использовался на производстве, а свободная женщина была посажена на трактор и выполняла тяжелый труд, гендерные проблемы по-своему решались в советское время.

Сегодня, в наше время или только ругают коммунизм, или односторонне оправдывают. Между тем человеческие достижения в СССР были возможны только потому, что коммунистическая идеология вобрала в себя лучшие идеалы человечества и Евразии.

Именно поэтому советские люди жили, словно в гипнозе, с верой или полuverой в социалистический гуманизм, в особую ценность своей советской жизни. Повторяем, что если бы не идеалы человечества, которые нещадно эксплуатировались советской властью, идеологами в СССР, то репрессивный аппарат коммунистического режима ни на один час, ни на один день не смог бы сохранить систему. Сохранению советской системы способствовала глобализация сознания, декларировавшая идеалы, от имени которых совершалась коммунистическая практика в СССР.

С разрушением идеологии, которая пронизывала все остальное, в постсоветском пространстве ослаблялось многое: сужались общечеловеческие отношения и мораль, ослаблялся патриотизм. В советское время существовала большая сфера общечеловеческой морали, поддерживавшей дружбу между людьми и народами, уменьшавшей национализм, не допускавшей идеи фашизма, не дававшей возможности разгулу психологии доминирования и шовинизма. И это, несмотря на тенденции русификации, доминирование “старшего брата”, великорусского шовинизма.

В связи с этим авторы “Основы теории Новой Российской Империи” остаются абстрактно вещающими о склеивании народов Союза и России, не ведая о том, что идеи могут и разрушить, но другие идеи могут стать основой единения. Пока, это мы можем говорить, листая постранично книгу, у В.В. Воложанина и В.П. Петрова высказываются идеи, не склеивающие народы, а провоцирующие сопротивление народов.

Если обратиться с вопросом к какому-либо обездоленному таджику о том, желает ли он жить благополучно в Новой Российской Империи, то он измученный условиями жизни, может сказать “да”, думая, что вернется в относительное благополучие СССР. Но это будет обманом. Согласно книге о Новой Российской Империи, она не даст благополучия, кроме барского господства

над малым народом. Ведь для страны с мусульманским населением авторы обещают следующее: “Генерал-губернаторы и руководители стран - членов Российского Имперского Союза также назначаются Императором с последующим утверждением народом, проживающим на территории соответствующей губернии, в процессе прямого тайного всеобщего голосования.

При этом Народный Собор и Патриарх Русской Православной Церкви имеют право аргументировано отозвать любого члена Сената, Правительства, руководства Судов, генерал-губернатора или руководителя страны - члена Российского Имперского Союза” 4.

Ни много, ни мало — сталинская автономия. Здесь даже нет большевистского коварства и хитрости, когда Ленин дал широкие права народам СССР, но все оказалось фикцией. Сталин отнял на деле то, что лицемерно провозглашалось, создал “автономию” — фактически деспотическую центральную власть.

У авторов же “нашей” книги автономия провозглашается сразу, они ведут борьбу с открытым забралом. Бесхитростно крайне ограничивают права союзников. Это звучит следующим образом: “Империи, являющиеся высшим способом традиционного устройства государственной жизни цивилизаций, предполагают в совершенном виде в новых глобальных условиях развития соответствие границ цивилизаций и границ Империй. При этом в составе Империй неизбежны более-менее автономные во внутренних делах государственные и этнокультурные образования”.

Надо сказать, что В.В. Воложанин и В.П. Петров честно расписывают действительную Империю и империализм, действия метрополии и действительный колониализм в новых условиях. Самое опасное в том, что существует реальная угроза создания реальной Империи в том невообразимо драматическом русле событий, которые происходят в мире — Новом Мировом Беспорядке. Выкручиванием рук в момент разгула Мирового Беспорядка. Разумеется, ничего не будет воплощено из идеализированного нового колониализма, но так “наломают дров”, загоняя народы и общество в постсоветском пространстве в прокрустово ложе новой идентичности, куцых прав на свободы, нового уже несоветского деспотизма, что СССР покажется раем по сравнению с откровенной Империей.

При этом Россия поглощает все пространство Евразии: “Еще одним важным фактором, определяющим систему и структуру власти новой Российской Империи, является ее двойной статус: новая Российская Империя, включающая Российский Имперский Союз”. В дальнейшем раскрываются необъятные пределы и новой Российской Империи и Российского Имперского Союза. Она включать будет почти половину зарубежной Европы, даже Кубу. “Естественные границы новой Российской Империи, включающей Российский Имперский Союз, могут примерно соответствовать границам старой Российской Империи и Советского Союза, с включением православных Балканских и Средиземноморских стран на

Западе (Сербии (включая Сербскую Краину в Хорватии, Боснии и Герцеговине и отторгнутое ныне Косово), Черногории, Македонии, Греции, Кипра и, возможно, Румынии и Болгарии) и Монголии на Востоке.

Естественно, что мы сейчас говорим об этом с позиции геополитической перспективы, а не актуальной на данный момент политической практики.

Не сразу и не все эти страны могут пожелать для себя будущее в составе Российского Имперского Союза”.

Геополитические аппетиты русских империалистов безграничны. Они — авторы книги — увлеклись и замечтались. Однако мечты и фантазии прекрасны, если они смогли бы показать реальные пути создания не Империи, а Сообщества, которое не ставило бы себя априорно в противовес остальному миру.

Здесь следует отвлекаться от “прелестей” империализма и сказать, что, несмотря на то, что Империя является по замыслу империалистов чем-то Удерживающим натиск с моря — морской мощи, тем не менее, она превентивно противостоит Атлантизму.

Отцы-геополитики, политики-географы высказались об Атлантической мощи и Континентальной мощи как бы на века. Последователи их кондово продолжили поддерживать идею о вековечной разделенности моря и суши. И, полагают, что с той стороны и с другой ведется противоборство на века. И никакого другого результата. Однако так ли самом деле?

Вопреки кондовому разделению мира на морскую мощь и континентальную мощь с ее Хартлендом, надо сказать о том, что есть процессы вне такого разделения мира. Это процессы, которые через противоречивое объединение моря и суши приводят к необычным синтетическим результатам. Согласно им противостояние приводит к огромным сдвигам в развитии и тех и других. Этому есть наглядный пример. Когда континентальная мощь в виде советской Евразии — СССР выросла как беспощадная угроза возможности большевизации Атлантического мира, то последний стал изменять свою капиталистическую природу до порождения классового мира и демократии.

То есть не противостояние было результатом, а синтез суши и моря, породивший в противоборстве демократию как явление мировое. Сейчас мировая демократия захлестнула континентальную мощь в виде демократических метаморфоз в СНГ, в демократических фантазмагориях полудемократий в Евразии. Демократия настолько и бесспорно захлестнула и захлестывает континентальную мощь, что главная страна континента во весь голос заговорила о “суверенной демократии” как о своей независимости при ее наступлении.

Классические империалисты говорят главным образом о только противостоянии моря и суши, но не ведают того, что через противостояние происходит синтез с появлением более общих результатов.

Наступление Атлантизма в наши дни в процессе развертывания Арабской весны рассматривается иными геополитиками и новыми империалистами однозначно. Между тем это наступление мобилизует Россию и народы континента в поисках реальных путей создания Евразийского союза. Такими путями являются не империалистические проекты, а то, что в наше время является бесспорным.

Все высшие достижения народов и их выдающихся личностей происходили часто в прошлом в рамках империй. Империи то помогали созиданию, то препятствовали. В наше время бесспорным является то, что народы мира настолько изменились, что их принципиально невозможно насильно втиснуть в какую-либо империю. Дух свободы вырывает их из надвигающихся тисков Империи. Нельзя их обмануть словами, что это всего лишь возвращение в СССР с его относительным благополучием. Это совершенная ложь, что создав Империю, можно вернуться в СССР! Не все в Таджикистане поверят в такую ложь.

У авторов названной книги кроме абстрактных слов, что всех ждет счастье в Империи, нет ничего конкретного об этом благополучии. Более того, они допускают более высокий уровень жизни своих народов, который должен привлечь других: “И надо всегда помнить: предлагаемый нами образ настоящего и будущего будет привлекателен для других народов, если наш народ будет жить лучше, достойнее, честнее, справедливее и счастливее, чем они”.

Это уже от Ленина, провозгласившего достижение более достойной жизни в стране социализма, чтобы все остальные народы и страны позавидовали и устремились в социализм. Парафраз мировой революции. Авторы книги не обещают охватить весь мир благополучной империей, но границы ее необъятны.

Обманутые за рубежами СССР вначале завидовали стране социализма, но миф развеялся, а сам социализм был разрушен завистью его элиты и народов странам демократии. Позавидовали, прежде всего, наиболее алчные коммунисты.

От новой Российской Империи веет дыханием теократии, хотя бы в следующих словах: “Идеология новой Российской Империи - Православие, что означает прямой, верный, справедливый путь, заботу о своем Отечестве и народе, с глубоким уважением и в сотрудничестве с гражданами, исповедующими другие традиционные религии”.

Человечество затратило титанический труд, пережило трагическую борьбу для достижения человеком права на свободу слова, свободу мыслей, на равенство в достоинстве, и вдруг новые империалисты предлагают отказаться от этих завоеваний, и всем подчиниться одной религии как главной идеологии.

Православие замечательная религия с историческими заслугами в духовном развитии России и укреплении державности, но примут ли народы такую монополию на государственную идеологию? Мы имеем в виду не православных народов. Нельзя превращать Евразийское Содружество народов в имперское прокрустово ложе с новыми формами доминирования одних над другими.

У авторов в их книге нет представлений о демократических свободах: Империя все спишет!

Самое неприемлемое в российской геополитике это то, что разоблачая западную демократию, продвигающую свою геополитику в форме кольца Анаконды вокруг России, русские геополитики выбрасывают из ванной вместе с грязной водой и подлинную ценность современного человечества — демократию. Демократия это величайшее достижение человечества, и она абсолютно несовместима с Империей в любом ее приукрашенном виде.

Надо признать, что мировая демократия поступает часто не демократически. Это и Арабская весна при сохранении Евро-Атлантикой недемократической “рухляди” монархий в Арабском мире, это стремление подавить исламский фактор у себя в странах и разжигание его в Евразии, это подчинение своей магистральной политики геополитическим целям в ущерб гуманизму. Одним словом, гуманизм и демократия для себя и неразборчивость средств достижения целей за пределами своих стран.

Точно также поступают и российские империалисты, они не разборчивы в средствах борьбы против Анаконды, которой хотят охватить атлантисты Россию. Они предлагают Империю, отвергающую демократию. Между тем сегодня категорическим императивом, то есть обязательным требованием является принятие демократии геополитикой. Это требование подлинного гуманизма сегодняшних дней.

Сведения об авторах

Аверьянов Антон Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Черноморско-Каспийского центра РИСИ.

Алтухов Вячеслав Викторович — сотрудник информационно-аналитического отдела Международного «Евразийского движения».

Асандулаев Искандар — доктор философских наук (г. Душанбе)..

Грей, Колин (Colin S. Grey) - британско-американский стратег и геополитик, автор многочисленных монографий по данной тематике.

Гудимов Андрей Юрьевич — Советник Российской Федерации 1 класса, Действительный государственный советник Карачаево-Черкесской республики 3 класса; помощник Атамана Баталпашинского казачьего отдела Кубанского казачьего войска (БКОККВ) по работе с нереестровым казачеством; Председатель Совета РОО «Русская община Карачаево-Черкесской Республики»; член Экспертного совета при Полномочном представителе Президента.

Даими Теймур - Художник, режиссер, философ. Автор книги “Обретение Пути” (1996 г.), г. Баку.

Дугин Александр Гельевич — доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Коровин Валерий Михайлович — директор Центра Геополитических Экспертиз.

Мамсуров Таймураз Дзамбекович — Глава Республики Северная Осетия-Алания.

Попов Эдуард Анатольевич — доктор философских наук, руководитель Черноморско-Каспийского центра РИСИ, г. Ростов-на-Дону.

Савин Леонид Владимирович — главный редактор журнала «Геополитика» и интернет портала Геополитика.Ру.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XVII, 2012. — 96 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных
Отношений Социологического факультета
МГУ им М.В. Ломоносова.

© — авторы.

Адрес редакции:

РФ, 117105, Москва, Варшавское ш. 1/1-2, бизнес-центр W-
Plaza, офис А308.
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

Подписано в печать 15 сентября 2012 г.